

МИХАИЛ
АРМАЛИНСКИЙ

Чтоб знали!

Избранное

Русская потаенная литература

Михаил Армалинский

Чтоб знали! Избранное (сборник)

«ИП Михайлов»

2002

Армалинский М.

Чтоб знали! Избранное (сборник) / М. Армалинский — «ИП Михайлов», 2002 — (Русская потаенная литература)

В авторский том Михаила Армалинского вошли стихи и проза, написанные как еще в СССР, так и после эмиграции в 1976 году. Большинство произведений скандально известного писателя публикуется в России впервые. Основная тема в творчестве Армалинского – всестороннее художественное изучение сексуальных отношений людей во всех аспектах: от грубых случайных соитий до утонченных любовных историй, а также проблемы сексуальной адаптации советского эмигранта в свободном мире. Совокупно тексты Михаила Армалинского являют собой образец редчайшего для русской литературы жанра. Армалинский прославился в мире и как издатель знаменитых «Тайных записок А. С. Пушкина», уже вышедших в серии «Русская потаенная литература».

© Армалинский М., 2002

© ИП Михайлов, 2002

Содержание

Соитие Ленинграда с Миннеаполисом, или преодоление несовпадений	6
Рассказы	11
Из книги «Мускулистая смерть»	11
Сделка	11
Герой[10]	17
Мускулистая смерть	23
Пустая почта	31
Попытка разлуки	43
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Михаил Израилевич Армалинский **Чтоб знали! Избранное. 1966-1998**

© О.Г. Воздвиженская. Предисловие, 2002.

© М.И.Р. Софрапу. Фото, тексты, 1998.

Соитие Ленинграда с Миннеаполисом, или преодоление несовпадений (О сочинениях Михаила Армалинского)

...Думаю, что надрыв, который Вы почувствовали, характерен не только для русской литературы. Этим я не хочу сказать, что я не русский писатель. Я – интернациональный писатель.
М. Армалинский¹

Лучше позже, чем никогда.

Лет пятнадцать назад в отечественном литературоведении возник термин «возвращенная литература». Именно тогда к русскому читателю с запозданием пришли сочинения многих и многих еще живых и уже – увы! – умерших русских писателей, в разное время покинувших СССР. И оказалось, что русская литература есть нечто слегка иное и уж, по крайней мере, существенно большее, чем мы, тогдашние читатели, привыкли о ней думать. И процесс постижения «возвращенной литературы» продолжается, хотя насильственное разделение на патриотов и эмигрантов, слава Богу, уже в прошлом. За рубежами «просторов Родины советской» писатели оказывались (добровольно или не вполне) по внешне разным, но по сути схожим причинам – в поисках свободы, в чем бы она ни выражалась.

И вот еще одно имя, до сей поры мало знакомое современному россиянину, – Михаил Армалинский, тоже искатель свободы, причем в той сфере, где запреты и слежка особенно привычны и особенно губительны, – в интимной жизни человека.

Сама эта тема для русского читателя также малоизвестна. Не то чтобы «про это» никогда раньше по-русски не писали. Писали, конечно, но чаще тайком, и эти тексты обычно если и печатались, то или мелким шрифтом в примечаниях к посмертным собраниям сочинений, или уж по советской традиции самиздатом. Последний, кустарный способ размножения невольно порождал искажения (что, кстати, весьма затрудняет атрибуцию таких произведений). Потому и книжная серия, очередной том которой отдан произведениям Михаила Армалинского, называется «Русская потаенная литература». Но впервые в этой серии помещаются тексты, вышедшие из-под пера (а также в более поздние годы сошедшие с компьютера) живого и активно работающего автора. Тем не менее его творчество – более четверти века литературных занятий – до настоящего времени оставалось потаенным для России. В отличие от прочих – знаменитых, известных или забытых, но извлеченных из небытия – писателей русского зарубежья, Армалинский как самостоятельный автор почти неизвестен на родине². К сожалению, в России до сих пор были изданы лишь несколько его рассказов и отрывков из романа, и все эти публикации были, опять же к сожалению, пиратскими. Кроме того, покинув эту страну, Михаил с тех пор ни разу сюда не наведывался и пока что наведываться не собирается, а потому судить о нем надлежит только по написанному им. Потому и знакомство с этим писателем – своего рода «вынужденная переписка».

¹ Здесь и далее с любезного разрешения Михаила Армалинского цитируются фрагменты его писем редактору этой книги. Эпиграф – из письма от 8 августа 2001 г.

² Особо скандальную славу М. Армалинский снискал, издав в 1986 г. «Тайные записки А. С. Пушкина». Эта книга как раз была очень и очень замечена в СССР, и даже в современной России по сей пору не утихает ругань по ее поводу. Первое собственное русское, т. е. российское, издание состоялось только в 2001 г. также в серии «Русская потаенная литература». Произведения же самого Армалинского удостоились буквально считанных рецензий в отечественной прессе, датируемых началом 1990-х годов.

Стало быть, русскую эротику писали и раньше, и неплохую, и даже очень хорошую, и занимались этим весьма известные в отечественной литературе персонажи – от Пушкина до Лимонова. Но эротические экзерсисы в творчестве классиков и современников – поэтов ли, прозаиков ли – чаще всего оставались явлением периферийным, своего рода «шуткой гения». Единственный русский классик жанра легендарный Иван Барков – личность виртуальная. По вполне очевидным причинам, родная словесность не породила ни своего маркиза де Сада, ни своего Леопольда фон Захер-Мазоха, ни изысканных дам-сочинительниц вроде Анаис Нин или Эмманюэль Арсан. И пожалуй, единственный, кто эту культурную прореху заполняет, – это как раз Михаил Армалинский. Неустанно, в стихах и в прозе, вне литературных школ, не будучи ничьим последователем и не породив учеников, продвигает он в сознание читателей свою тему, свои взгляды, свои убеждения, имеющие для него силу заповедей.

Этот автор принял на себя неблагоприятную роль русского эротописца, секс-описателя (или *сексо-писателя*), а поскольку русская литература всегда литература социальная, общинная, идейная, манифестная, то Армалинский – вольно или невольно – превратился в раздавателя пощечин и плевателя в глаза общественному вкусу. Главной своей темой он избрал Соитие³ во всех мыслимых ипостасях. Но, как известно, секса в Советской стране не было (хотя блудство процветало повсеместно), и ясно, что литератор, ориентированный на всесторонний показ и анализ сексуальных переживаний, имел в Стране Советов в перспективе одни неприятности. А уж автор-еврей, публикующий в Ленинграде времен Г. В. Романова поэтические сборники самиздатом, – тем более. Потому, как пишет сам Армалинский, «я уехал 17 ноября 1976 года и ступил на святую американскую землю 22 февраля 1977 года»⁴. (Новую родину Армалинский на свой лад отблагодарил, в частности, тем, что переосмыслил в генитальном духе символику американского флага, о чем подробно рассказано в романе «Добровольные признания – вынужденная переписка»⁵.) По приезде Михаил переиздал ленинградские сборники своих стихов, а потом создал в Миннеаполисе собственное издательство «M.I.P. Company» и более поздние свои сочинения издавал уже в нем наряду со многими книгами и других авторов. В общей сложности Армалинский является автором 12 книг стихов и прозы, а в последнее время, согласно новейшим веяниям, перешел на публикации в Интернете. Писатель также выступил как составитель сборников детского эротического фольклора, нецензурных поговорок и пословиц, уже упомянутого альманаха «Соитие». Кроме того, на сайте издательства⁶ регулярно выходит в свет «Литературный журналец Михаила Армалинского General Erotic», а с весны 2001 года открылся и виртуальный «Храм Гениталий»⁷. Так что на «святой американской земле» всюду расцвел талант русского (или, точнее, русскоязычного) писателя, для которого, как может показаться иным ханжам, нет ничего святого. Такая последовательность в действиях и верность своей теме в творчестве и жизни создали нашему герою устойчивую репутацию чуть ли не главного современного русскоязычного автора-эротиста, возмутителя спокойствия и почти что графомана-извращенца. Но и пишет Армалинский не для ханжей, и свои святыни у него есть. Чтобы оценить всю силу и непростую прелесть его сочинений, надо знать, в чем состоят эти святыни и под каким углом зрения смотрит этот писатель на мир и людей, в нем живущих. Вот потому том избранных произведений, впервые публикующихся в России, сам автор так и назвал – «Чтоб знали!».

Читать Армалинского – занятие не для всякого. По первому прочтению, когда утихнут рвотные спазмы от «Безотходного производства любви», уймется дрожь жути от «Свеже-

³ Именно так называется изданный Армалинским в США в 1989 году альманах русской эротической литературы.

⁴ Из письма от 6 мая 2001 года.

⁵ Изображение этого флага было опубликовано на обложке нью-йоркского еженедельника SCREW в 1989 г. ко Дню независимости 4 июля и воспроизводится на форзацах настоящего издания.

⁶ См.: <http://www.mipco.com>.

⁷ См.: <http://www.templeofgenitals.org>.

срезанных голов», высохнут слезы от «Попытки разлуки», стихнет острая жалость к героине «Пустой почты» и перестанет рябить в глазах от слов, более привычных на заборе, чем в книге, хочется потрясти головой и забыть поскорее, что вообще брал в руки такую книжку.

Но забыть не удастся. Тогда начинаешь перечитывать эти тексты заново и понимаешь, что путем мастерских описаний генитальных (оральных, анальных, инцестуальных, зоофильных и т. д.) приключений трактуется единственная тема, главная тема человеческой жизни – поиски любви.

Люди разделены и одиноки, и никто никого не может понять, и никто ни с кем и ничто ни с чем не совпадает, и мир разъят и наполнен тоской. И в таком мире, с такими душами герои напряженно, мучительно, порой бестолково пытаются избавиться от одиночества, найти друг друга и хоть какой-то просвет. Эти герои живут в состоянии непроходящей разорванности, и всякий на свой лад старается ее преодолеть. Единственным мостом над пропастью, лежащей между людьми, между человеком и миром, оказывается любовь, тепло прикосновения другого существа, совместно пережитый миг соития. Только он примиряет героев с кошмаром существования.

В «Безотходном производстве любви» главная героиня должна выбрать между чистотой и комфортом своего дома с извергом-мужем, с одной стороны, а с другой – женской востребованностью, бесконечным восхищением мужчин-бродяг, каждый из которых хорошенечко стукнут жизнью и потому бесконечно добр и терпим. И героиня выбирает трущобы, где она – Королева. Уродливый врач-гинеколог и неудовлетворенная пациентка соединяются спиной к спине, хоть таким образом обретая друг друга. Именно уродство циркачей Лохматого и Косматой делает столь уникальным и неразрывным их союз, и их гибель на арене – высший миг их любви. Героиня со знаковым именем Любовь («Женщина, говорящая “Давай ебаться!”») разрывается между уютом и надежностью американской жизни и русской чувственной стихией – и выбирает Россию. Герой «Трусиков» готов уподобиться собаке в поисках хозяйки, героиня «Собачьей радости» именно с собаками обретает свою грешную радость. Любовь цветет в неожиданных местах и возникает между неожиданными партнерами, и проявляется всеми способами, и каждый раз она – чудо. «Гонимое чудо» – так обозначает Михаил Армалинский миг торжества любви, преодоления любой отъединенности, иными словами – оргазм.

А «по обе стороны оргазма»⁸ – жизнь и смерть, и разделяет их только миг высшего наслаждения, доступного человеку. И потому так часто истории в этой книге имеют трагический конец. Кен и Натали в «Попытке разлуки» не могут ужиться вместе и не могут жить друг без друга. Их примиряет и воссоединяет смерть. «Героя» из одноименного рассказа только смерть сближает с сыном. Культурист из «Мускулистой смерти», всю недолгую жизнь проводивший в поисках кого-нибудь, кто его полюбит, тайно и неосознанно влюбленный сам в себя, умирает после соития с собой. Между смертью и любовью проводит несколько часов у постели умирающей бабушки юноша из рассказа «...И от бабушки ушел», и со смертью играют в любовную игру страшноватые персонажи «Свежесрезанных голов». Скелет мертвой женщины видится идеальной возлюбленной герою «Сделки». Жизнь и смерть как две равнозначные стороны бытия – вечная тема литературы!

Секс в мировоззрении Армалинского – Абсолют, помогающий преодолению несовпадений, пусть момент соития (момент истины!) краток и преходящ. И даже миф о зачатии Сына Божьего оказывается возможным пересказать как историю светлой и чувственной любви, особенно остро ощущаемой героями перед бегством («Радужный знак»).

Очередную свою поэтическую книгу – первую, целиком составленную из стихов, написанных в Америке, – Михаил назвал «После прошлого», тем самым как бы подводя черту под старой жизнью в СССР. Но тема России отнюдь не ушла из его снов и мыслей, а опыт жизни

⁸ Название одного из поэтических сборников, стихи из которого также вошли в настоящую книгу.

в советской действительности уникален, хотя и достается весьма дорогой ценой. Потому и местом издания своих первых книг Армалинский ставит Ленинград (хотя настоящим тиражом они, конечно, вышли в США вторыми изданиями) и настаивает, что его тексты должны рассматриваться именно в хронологической последовательности: «мне чужда некрасовская охота за первым сборником и уничтожение книги “в стыде за прошлое”, мне также неприемлемо пастернаковское “усовершенствование” юношеских стихотворений в зрелом возрасте. Все это есть поправление и уничтожение себя в прошлом»⁹. Чем дальше лирический герой Армалинского существует в англоязычном окружении, тем более – и это особенно заметно по поздним стихам – обостряется чувство родного языка, причастности к русской культуре и стремление воссоединить разорванные концы в своей душе и своем творчестве. Об этом же и главное произведение, вошедшее в этот том, – роман «Добровольные признания – вынужденная переписка», впервые изданный в теперь уже легендарном 1991 году.

Главный герой во многом напоминает автора. Борис – еврей по национальности, русский по призванию и американский гражданин. Такой набор качеств порождает своего рода «двойственные отношения» с миром. Какая-то часть души этого героя осталась на питерских улицах и на берегах Финского залива, хотя реализация Бориса как зрелого мужчины и писателя, нашедшего свой стиль и тему, наступила именно в США. Два главных литературных авторитета называются в романе, и опять между ними океан во времени и пространстве: Федор Достоевский – там (т. е. здесь, в России), а Иосиф Бродский – здесь (т. е. с нашей точки зрения там, в Америке). Все та же раздвоенность, разорванность, и оттого летят из Н-ска через океан в Санкт-Петербург бесконечные письма другу-художнику обо всем на свете: о любовных поисках и встречах, о разлуках и разочарованиях, о свадьбах и разводах. Прошлое живет рядом с настоящим, и Борис (иногда себе в ущерб) всячески способствует перетаскиванию в свою новую жизнь тех людей, что окружали его в старой. Новые встречи со старыми знакомыми зачастую приводят к переоценке прежних человеческих связей, но и нынешние не лучше, в чем у героя – и автора – хватает смелости признаться во всеуслышание. Признания – добровольные, а ближе к концу романа лирические или иронические исповеди все чаще сменяются манифестами – политическими, философскими, эстетическими. По ним легко представить себе мировоззрение героя, во многом созвучное с авторским.

К жанру манифестов относятся и два эссе, также включенных в книгу, – «Гонимое чудо» и «Спасительница», где основные постулаты мировоззрения Армалинского обрели законченность чеканных формулировок. А в «Храме Гениталий» те же принципы – божественность оргазма, святость соития, жреческая миссия проституции – возведены в заповеди. По-своему Армалинского можно даже считать религиозным мыслителем, по крайней мере, неустанным проповедником символов своей веры.

Эмоциональный спектр писаний Армалинского вообще широк: от кропотливого бытописания в «Герое» до философских раздумий «О чем думает человек в минуту... день... год... жизнь своей смерти», от фантазмагорий «Света в окошке» и «Самораскопок» до хлесткого сарказма «Сказки о русско-французских связях». Так что, по советскому военно-кафедральному выражению (коих сам Армалинский большой любитель), наш автор «где человек, а где и беспощаден». Утонченный анализ отстраненного исследователя сочетается в его творчестве с пристрастностью лично заинтересованного участника (и как же иначе – ведь автор сам по себе живой и здоровый человек, интересный мужчина пятидесяти с небольшим лет), а пронзительный лиризм иных описаний – с готовностью к непрекращающейся борьбе с ханжеством. Неустанно творимый Армалинским собственный имидж охальника позволяет ему резать всю правду-матку (и потому, наверное, столь часта в его писаниях тема аборта), а иногда и возвещать очевидные, но замалчиваемые истины, невзирая на лица, но пристально рассматривая

⁹ Из письма от 22 марта 2001 года.

те части тела, от коих принято стыдливо отводить глаза. Но кажущееся иногда чрезмерным эпатирование почтенной публики – лишь избранный им и его героями путь поисков любви, единства, совпадения, и все, что разобщено, может слиться в бесконечно повторяющемся вселенском Соитии. Ибо оно – божественное Чудо (не боюсь повторений), наперекор всем гонителям. А любой путь к Богу приемлем, недопустимы только ложь и насилие, кои суть порождения дьявола.

Нелегко было готовить и нелегко будет читать эту книгу – прежде всего потому, что сама тема требует от читателя пересмотра многих прежних «ценностей», считающихся неременной частью отечественной словесности, – ханжества, выдаваемого за целомудрие; страха перед так называемой табуизированной лексикой (хотя других русских слов для описания гениталий и актов просто-напросто нет, а все эвфемизмы – «новояз» по Оруэллу); традиционного разделения «высокого» и «низкого» (все бы им разделять, чтобы властвовать – над нами!); презрительного отношения к естественным (пусть даже непривычным) проявлениям человеческой чувственности (советую читателям обратить особое внимание на антитолстовские высказывания в романе – тоже весьма необычная, но правда). К тому же автор и его читатели разделены чисто географически. Михаил счастливо живет у себя в Миннеаполисе и не собирается оттуда никуда двигаться, хотя мыслями во многом обращен к русской действительности. Электронная почта сокращает расстояния и опять же помогает преодолевать разделения и прояснять несовпадения, чаще всего оказывающиеся мнимыми.

Может быть, и хорошо, что этот том выходит в свет именно сейчас, в начале нового века, в обновляющейся России, продолжающей освобождаться от навязанных многовековой традицией псевдонравственных запретов и страхов. Одиноким и замороженный человек управляем и беспомощен, а один из главных лозунгов тоталитаризма – «Незнание – сила». Так вот, чтоб знали!

Ольга Воздвиженская

Рассказы

Из книги «Мускулистая смерть» 1984

Сделка

To Brian Kvasnik

Городок, куда я ехал, находился в необозримой глуши, или, в переводе с английского, «посередине нигде». Вокруг распластались бескрайние поля, засеянные какими-то злаками. Я ехал со скоростью 110 миль в час, незаметно набрав её с шестидесяти. Я хотел, увеличивая скорость, прогнать сонливость, но тело не откликалось на возрастание опасности и по-прежнему клонилось ко сну, угрожающему превратиться в вечный.

Целью моей поездки было познакомиться и совершить небольшую сделку с человеком, который владел практически всем этим городком с населением в 50 000 душ. Этот своего рода помещик был чрезвычайно богат, и ему принадлежали два банка, земли и в том числе склады лома цветных металлов. Я был знаком с ним уже больше года, но все дела мы вели по телефону или по почте и никогда не видели друг друга.

Недавно он позвонил мне после нашей ссоры и предложил купить остатки бомбардировщика, который когда-то потерпел аварию и разбился, а теперь был куплен Рэлом (так звали этого человека) для продажи на переплавку. Ссора у нас произошла после того, как он отменил заказ на высококачественный алюминий, который выплавляется на моём заводе. Заказ был солидный, и, когда груз был готов к отправке, Рэл позвонил и сказал, что ему в настоящий момент невыгодно принимать такую большую партию металла. Когда же я стал настаивать и, разозлясь, сказал, что приеду и вывалю весь груз перед порогом его дома, он ответил с издёвкой: «Вы что, хотите, чтобы я плавал в этом никчёмном мусоре?» «Ничего не имею против, если его температура будет пару тысяч градусов», – ответил я. На это Рэл повесил трубку, и более месяца мы с ним не разговаривали. И вот он позвонил мне, что согласен забрать и оплатить большую часть заказа, и пригласил меня приехать посмотреть на остатки самолёта. С чувством гадливости на душе я согласился, так как не было у меня сил отказаться от бизнеса во имя чудной свободы говорить и делать то, что хочется. Я утешался тем, что продам завод, когда он станет достаточно большим, и этих денег мне хватит до конца жизни. Но я никак не мог определить, что значит «достаточно большой» – он всегда продолжал казаться мне маленьким, как сын – матери.

К вечеру я приехал на место и остановился в гостинице, располагавшейся в стандартном, нарочито весёленьком даун-тауне. Портье передал мне просьбу Рэла позвонить ему сразу как приеду.

«Тоже мне – “сразу”», – неприязненно подумал я и, войдя в номер, сразу открыл кран в ванной.

Раздался телефонный звонок, это был Рэл.

– Вы уже приехали? Как поживаете? Вам передали, что я просил вас позвонить? Когда вы будете готовы – я хочу пригласить вас обедать в ресторан и показать вам город.

Он не дожидался моих ответов – для него всё было и так ясно. Договорились встретиться через час в лобби.

Я всё гадал, как он выглядит. Темперамент у него был южный, правда, без акцента.

Он поджидал меня, прохаживаясь взад-вперёд. Ему было лет пятьдесят пять, лысина позволяла волосам расти в форме подковы, что явно приносило ему счастье. Улыбка не сходила у него с лица, как только он понял, что я – это я. Однако глаза его не умели смеяться. Рэл хлопал меня по плечу (ох, уж мне эта симуляция дружбы) и изъяснял невероятную радость. Я тоже всячески улыбался, но чувствовал, что и моим глазам не до смеха.

Пожимая мне руку, он заметил мой перстень с небольшим, но очень чистым бриллиантом.

– О, какой замечательный перстень, – сказал он и задержал мою руку в своей, разглядывая камень. Я осторожно высвободил руку из его цепких пальцев, и мы поехали в китайский ресторан на его новеньком «линкольне».

Мы ехали по центральной улице, и моё знакомство с городом Рэл комментировал следующим образом:

– Это мой банк, не правда ли, красивое здание?

– Эти многоквартирные дома я построил два года назад, теперь они стоят впятеро дороже.

– В этом магазине вы можете купить лучшую одежду, продающуюся в Нью-Йорке. Моя торговая политика – слово «провинция» не должно существовать в сфере потребления.

И так далее.

Китайский ресторан оказался тоже его собственностью, и еда была превосходной. Повара он привёз из Гонконга и в жёны ему сосватал местную красавицу, чтобы того не тянуло обратно на родину. В течение обеда я несколько раз замечал взгляд Рэла, направленный на мой перстень, и, когда мы заканчивали десерт, он опять выразил своё восхищение им. Я почувствовал, что скоро начнётся торговля.

– Сколько вы хотите за этот перстень? – спросил он, очередной раз припав к нему глазами.

Мне не хотелось расставаться с перстнем – слишком много было с ним связано, – и я назвал сумму, раз в пять превышающую его действительную стоимость.

Рэл улыбнулся и не стал продолжать, но я почувствовал, что надежды он не потерял. После обеда Рэл повёз меня в свой особняк, в котором он жил один, разведясь с женой много лет назад. Оказывается, в качестве хобби Рэл собирал меха и шкуры различных зверей. Одна из комнат была полностью отделана шкурами: пол – тёмными, стены – шкурами посветлее, а потолок – белыми. Он вытащил откуда-то огромную рыжую лисицу с болтающимся безвольно хвостом и сказал:

– Давайте меняться на ваш перстень.

Я подержал тёплую лисицу за горло и, улыбнувшись, сказал «нет». Мне было любопытно, как высоко в денежном отношении он способен оценить свои желания.

Рэл покорно сказал «о'кей» – и лиса исчезла. Мы пошли в гостиную, где у камина стояло чучело орла. Крылья орла были распахнуты – размах составлял не менее двух метров. Заметив мой восхищённый взгляд, Рэл сказал мимоходом:

– Так уж и быть, отдаю в придачу к лисе.

Я отрицательно покачал головой, машинально погладив перстень ладонью.

– Не беспокойтесь, – сказал Рэл, – я его заберу мирными средствами.

– Это что же, намёк на военные? – спросил я.

– Нет, что вы, вы меня не так поняли, – заверил меня Рэл.

Когда я уже собирался уходить, он показал мне шкуры кенгуру, медведя и леопарда, но уже больше не предлагал мне меняться. Однако, показывая их, он смотрел на меня так выразительно-вопросительно, что смысл этого вопроса не оставлял никаких сомнений.

На следующий день я приехал в его огромный склад, где лежали остатки самолёта, больше напоминавшие скелет. Я рассчитывал, обсудив все дела, уехать прямо оттуда домой.

Осматривая самолёт, я заметил, как Рэл шепнул что-то одному из рабочих, указав глазами на мою машину. Рабочий кивнул и продолжал заниматься своими делами. Закончив осмотр, мы пошли в кабинет Рэла и за час договорились о цене за самолётные останки. Пожимая его руку в знак завершения сделки, я снова заметил сверкнувший взгляд, направленный на перстень, а может быть, мне показалось и просто сверкание камня отразилось в его глазах.

Пора было уезжать, и мы вернулись в склад, где я оставил свою машину.

Я всё ожидал последней атаки на мой перстень, но Рэл держался безразлично. И вот прощальное рукопожатие с похлопыванием по плечу. Я открываю дверцу машины – и отшатываюсь, ещё не успев открыть: на переднем сиденье – ярко-белый скелет, с черепом, повёрнутым в сторону водителя, и рукой, вернее костью руки, положенной на спинку водительского сиденья. Я, наверно, беспомощно оглянулся на Рэла, и он, смеясь, похлопал меня по плечу:

– Не бойтесь его, он мёртвый. Я подумал, что вам будет скучно одному в такой долгой поездке, вот и достал вам попутчика.

– Это мужчина или женщина? – спросил я, стараясь прийти в себя от неожиданности.

– Женщина. Посмотрите, какой у неё широкий таз.

Я посмотрел. Бесплотный, он мне казался поразительно узким.

– Это хорошо, что женщина, – я люблю худощавых, – попытался я улыбнуться, но улыбка далась с трудом.

Сначала у меня был позыв сказать: «Ну, ладно, пошутили и будет – забирайте товар». Но я не хотел проявлять этой инициативы, которой он, наверно, от меня и ждал, чтобы не оказалось, будто он забирает у меня то, что уже дал, а якобы лишь уступает моей просьбе. И к тому же я не хотел, чтобы он думал, будто напугал меня.

Поэтому я сел в машину, ожидая, что Рэл вот-вот остановит меня и распорядится забрать скелет. Но он только наклонился, чтобы помахать мне рукой в окошко машины, и мне ничего не осталось, как выехать из склада, развернуться и поехать. У выезда из склада стоял рабочий, которому Рэл шептал что-то, когда я только приехал, и который, по-видимому, занимался доставкой скелета. Он был одет в джинсы, и одна штанина была темно-синяя, а другая – голубая. Он помахал мне рукой не улыбаясь.

Я выехал на дорогу, стараясь не смотреть на мою костлявую спутницу. «Хорошо хоть, что у неё нет косы в руках», – почему-то без облегчения думал я. Когда на дороге попадались неровности, её кости бряцали, а на одном из поворотов она стала заваливаться на меня. Я инстинктивно придержал её, и рука упёрлась в её пустые бёдра. Кости таза были холодными и твёрдыми, столь противореча привычным ощущениям при касании плоти. Я заметил, что сгнившие суставы были заменены проволочками, аккуратно скрепляющими составные части скелета. Фаланги пальцев особенно притягивали взгляд.

Обгонявшие меня машины чуть притормаживали, и все из них пялили глаза, махали мне руками и жестами пытались выпросить – ну, мол, каково со скелетом ездить? – и я снисходительно улыбался и складывал колечком большой и указательный палец, и все в ответ смеялись.

Когда я подъехал к придорожному ресторану перекусить, пожилая пара выходила из дверей и, увидев мою пассажирку, шарахнулась в сторону. Они, бедные, даже стали креститься. Я запарковался и на всякий случай запер машину. Сидя в ресторане, я услышал полицейскую сирену, но не обратил на неё внимания. Когда же я вышел на улицу, то увидел полицейскую машину с грозно посверкивающими глазами. У моей машины шевелилась небольшая толпа, сквозь которую маслеными пятнами проступали двое полицейских. Я подошёл ближе и увидел пожилую парочку, что-то докладывающую полицейским. Видно, опасаясь надеяться только на Бога, они решили подстраховаться полицией.

Полицейские поинтересовались моими водительскими правами и моей спутницей. Я сказал, что это подарок Рэла. Имя его было хорошо известно в этих местах, но полицейским хотелось подтверждения, так что я дал им номер его телефона, и они позвонили ему. По счастью,

он был у себя в конторе и подтвердил (как они мне передали), что это его собственность, данная в пользование другу. Мне до сих пор был не ясен статус моей спутницы – подарок ли это, – так что теперь всё стало понятно.

Полицейские, прощаясь, попросили меня постараться не пугать людей. Я пообещал, что еду прямо домой и, приехав, запру её в комнате, чтобы, чего доброго, не убежала. Последняя фраза произвела задуманный эффект, вызвав смех, который прозвучал как вздох облегчения.

– Ну, что, Мэри, – обратился я к скелету, отъехав от ресторана, – заставили мы с тобой кое-кого вспомнить о смерти?

И в этот момент от толчка (я наехал на выбоину в дороге) нижняя челюсть её отвисла. Челюсти были полны белых ровных зубов, и это означало, что спутница моя закончила свою жизнь молодой и, быть может, красивой. Нижняя челюсть её тоже крепилась к верхней проволочкой.

Приехав домой, я взял её на руки, как невесту, думая, где бы расположить. Был тёмный вечер, и в дом я её вносил из гаража, так что благодаря этому избежал соседских глаз. Я понёс её в спальню для гостей и положил на кровать. Я было пытался поначалу поставить её на ноги, прислонив к стене, но она рушилась на пол, и я подхватывал её в последний момент, опасаясь сломать ей рёбра.

Я посмотрел на скелет, лежащий на кровати, согнул ей ноги в коленях, раздвинул их, невесело усмехнулся и пошёл спать.

Ночью мне снилось множество снов, что со мной бывает крайне редко.

Проснулся я с головной болью, которая для меня является первым признаком высокой температуры. Я очень хотел пить, и, когда я встал и пошёл на кухню, меня зашатало от слабости. Напившись воды, я пошёл обратно и почувствовал такой отлив сил, что свернул в первую же дверь, чтобы скорей куда-то лечь. За первой дверью была спальня для гостей. Чувствуя, что вот-вот упаду от слабости, я свалился на кровать рядом со скелетом и закрыл глаза. Сердце билось, как после долгого бега, и тело повлажнело от пота. Сбоку я чувствовал прикосновение прохладной берцовой кости.

Раздался телефонный звонок. Я с трудом протянул руку к телефону, стоявшему на столике у постели. Моя секретарша спрашивала, как я съездил и когда я приду в контору. Я сказал, что у меня температура и что сегодня не появлюсь.

– Может, приехать к тебе помочь, посидеть с тобой? – спросила она, и я вспомнил, что мы – любовники.

– Нет, я в порядке, занимайся своими делами.

– Я приеду после работы, хорошо?

– Ладно, только тут у меня уже есть одна.

– Что ты имеешь в виду? – встрепелась она.

– Приедешь – увидишь, – сказал я.

– Что, у тебя женщина?

– Как тебе сказать... бывшая.

– Я не понимаю, что ты говоришь.

– Я повторяю, приедешь – увидишь. Прости, я устал, – сказал я и повесил трубку.

Я заснул и проснулся от вскрика. Я поднял тяжесть век и увидел мою секретаршу Мэри, которая стояла над кроватью, не зная, что сказать, что сделать.

Я через силу улыбнулся.

– Что это такое? – проговорила она дрожащими губами, и голос у неё был дрожащий. Я подумал: дрожащие губы делают голос дрожащим или дрожащий голос заставляет дрожать губы?

– Сколько времени? – спросил я.

– Час дня, – сказала она, взглянув на часы, и снова скелет приковал к себе её взгляд.

- Ты же хотела прийти после работы.
- Что это такое? – снова повторила она.
- Это тоже Мэри – мне очень нравится это имя.
- Где ты это взял? – спросила она, видно, уже поняв, что это.
- Подарок. Сделай мне крепкого чаю, пожалуйста.
- Тебе плохо? – озабоченно спросила она и положила ладонь мне на лоб. Мне показалось,

что её кожа покрыта инеем.

- Держи так, – попросил я её, и она села на кровать.

Я приоткрыл глаза и увидел её взгляд, по-прежнему устремлённый на скелет. Её рука быстро нагрелась о мой лоб, и я опять попросил её сделать мне чай. Выходя из комнаты, она оглянулась не то на меня, не то на Мэри.

Стоило мне закрыть глаза, как в голове начиналось вращение, оставляющее после каждого оборота болезненную инерцию.

Живая Мэри вернулась с чаем на подносе.

- Ты не хочешь пойти к себе в спальню?
- Нет, это хорошо, что вас двое, – сказал я.

Чай возвращал мне силы, и лимон, который она догадалась положить, был как нельзя кстати.

Что мне нравилось в ней, так это то, что, спросив о чём-то раз и не получив ответа, она больше не спрашивала, а ждала, когда я сам решу рассказать. Правда, иногда это раздражало меня, так как мне хотелось, чтобы она меня поупрашивала. Я рассказал ей о моей костлявой попутчице. Мэри выслушала это равнодушно и спросила:

- Что ты теперь будешь с ней делать?
- Любить, – ухмыльнулся я.
- Что ж, прекрасный выбор, – сказала Мэри. – Я, кстати, должна тебе сказать, что я уезжаю во Флориду.

«Даже не дождалась, пока я выздоровею, чтобы сообщить мне такую новость», – подумал я. Я посмотрел на её маникюр – единственное, что у неё было поистине красивым, – и сказал:

- Желаю счастья. Это Джон?

Джон был её возлюбленный, с которым она жила четыре года и от которого она уехала сюда, нанялась ко мне, бескорыстно стала моей любовницей, а я ничего не имел против, так как мои связи с подчинёнными не отражались на деловых отношениях.

- Да, Джон, – не скрывала она.
- Передай ему привет, – сказал я и, повернувшись к скелету, добавил: – Прости, я хочу спать, спасибо, что зашла.
- Хорошо, я пойду, – сказала Мэри.
- Ты до какого дня работаешь?
- Я могу доработать две недели, но, если ты не возражаешь, хотела бы уйти раньше.
- Можешь уходить через неделю, – сказал я, зная, что смогу найти ей замену за это время. Она поблагодарила меня и холодно ушла.

Я смотрел перед собой, прямо в череп Мэри. Она не шевелилась, и зубы без губ представлялись оскаленными в постоянной улыбке. Она была настолько близко к глазам, что все очертания были зыбкими. Я положил руку на грудную клетку, и её рёбра скрипнули – я отдернул руку, опасаясь поломать ей кости, и улыбнулся фразе «поломать кости» по отношению к скелету, который обнимаешь.

«Уж ты-то не уйдёшь ни к какому Джону, – подумал я и упёрся лбом в её холодную ключицу. – Мужчины, что спали с тобой, не имеют никакой власти, ибо нет у тебя больше ни памяти, ни плоти, а всё, что осталось, принадлежит мне».

Я провалился в живое небытие сна, где пробыл до вечера.

В комнате было темно, и рука моя лежала в её пустом животе, опираясь на корявый ствол позвоночника. Я убрал руку под одеяло и заснул опять.

Проснулся я утром от птиц, голосивших за окном. Жара не было, я потряс головой, которая не откликнулась болью, в теле было радостное чувство выздоровления. Под боком лежала жесткая прохлада скелета. На свежую голову мне как-то стало не по себе, и я поднялся с кровати. Пересилила слабость, обосновавшуюся в теле, я пошёл в ванную, но, принимая душ, всё-таки сел в ванну, не устояв на ногах от слабости. Однако нужно было идти в контору, чтобы разгрести дела, превращавшиеся в невыносимый камень на шее, чуть стоило дать им залежаться.

Я вспомнил, что Мэри объявила о своём уходе из моей компании, а также из моей жизни. И оба ухода вызвали грусть, которая, впрочем, была уже привычной из-за стольких разлук, что я перетерпел. Мэри была исполнительницей секретаршей и любовницей, что вносило определённые удобства в мою замкнутую изнутри жизнь.

В конторе я разгрёб налетевшую почту, ответил на звонки, короче, сделал всё, чтобы наверстать упущенное. Я чувствовал слабость во всём теле, однако на вежливые или заискивающие вопросы о здоровье я, конечно же, отвечал, что всё прекрасно, как это и принято с чужими людьми.

Со второй половины дня я ушёл домой, поймав взгляд Мэри, явно похолодевший после принятого ею решения. Но всё-таки взгляд.

Когда я подъезжал к дому, он мне показался очень большим. И действительно, он был большим. Мне всегда было приятно знать о потенциальном пространстве, которое я не использую, но которое всегда ждёт меня. В связи с этим я вспомнил, что меня ждёт и пустое пространство скелета. Пространство, слегка ограждённое костями. Я вошёл к ней в комнату, она лежала на кровати с раздвинутыми костями ног. Череп скалился. Вот как выглядит абсолютно голая женщина, когда не останавливаешься на снятой одежде и продолжаешь женщину раздевать, снимая с неё плоть.

– Знаешь, – сказал я ей, – я одинок, как твои кости без мяса.

Мой голос прозвучал странно, так как я не ждал, что услышу голос в ответ. Сквозь её рёбра просвечивала простыня. Я подошёл к ней и погладил там, где должна была быть грудь. Потом я просунул руку под рёбра, где должно было быть сердце. Но сердца не было. Такая бессердечность меня не трогала.

Мне нравилась её молчаливость и открытость. Мне было спокойно с ней, как со всеми, кого я не любил. Я сел рядом с ней на кровать и погладил её по черепу: уж по крайней мере, ты будешь всегда рядом, готовая выслушать меня, многоопытная, познавшая жизнь и смерть, и кто знает, быть может, я полюблю тебя за твою естественную преданность.

Раздался звонок в дверь. Не люблю я незваных гостей, ибо нет никого у меня, кому бы я мог обрадоваться.

Я с раздражением резко распахнул дверь. Передо мной стоял мужчина в джинсах и куртке.

– Добрый вечер, извините за вторжение, – начал он мягко, что не соответствовало его грубому, где-то виденному лицу. – Меня босс прислал за скелетом.

И тут я заметил его джинсы с брючинами разных цветов и узнал в нём рабочего со складов Рэла, который, видно, и свёл меня с Мэри.

– Что вы сказали? – переспросил я, и мне стало больно, будто у меня отнимают последнее.

– Босс послал меня забрать скелет, – повторил он.

– А я думал, это подарок, – попытался я вяло сопротивляться.

Рабочий ничего не ответил, а только пожал плечом.

Я пригласил его в гостиную, и он, опасливо сняв ботинки, последовал за мной. Я предложил ему выпить, но он отказался. Я налил себе чего-то и отпил большой глоток. Стало теплее.

- Где он лежит, давайте я возьму его, – приступил рабочий прямо к делу.
- Подожди, – я хочу купить его... её. Сколько Рэл хочет?
- Босс сказал, что он его не продаёт, но может обменять.
- На что?
- На перстень.

Волна облегчения прошла по моему телу сверху вниз. Я снял перстень и протянул его гостю.

Он улыбнулся победно и всезнающе, зажал перстень в кулаке и повернулся уходить.

– Подожди, – остановил я его.

Он посмотрел на меня с удивлением.

– Напиши расписку, – сказал я.

Герой¹⁰

Младенца решили назвать Героем. Такое необычное имя указывало на отчаянное честолюбие родителей, которые использовали рождение сына как общепринятый предлог для того, чтобы махнуть рукой на свою собственную жизнь и перенести все свои несбывшиеся надежды на ребёнка. Когда Герой подрос настолько, чтобы понять смысл своего имени, он почувствовал, что люди ждут от него постоянного подтверждения этого смысла. А так как подтверждения он не давал, то имя его вызывало сначала смех, а потом – насмешки. В школе, например, он пытался отличиться на уроках физкультуры, но в движениях его не было ни силы, ни ловкости, и после очередного невыполненного упражнения часто гремел голос учителя: «Эх ты, Герой!» Стараясь избежать насмешек, Герой при знакомстве называл себя Герой, но все вскоре каким-то образом узнавали, что он не Гера, а Герой. Чем больше он вырос, тем безнадежнее убеждался, что ему не выполнить обязательств, накладываемых на него именем, и к тому времени, когда он поступил в институт, чтобы стать инженером, он оказался сутулым молодым человеком с язвой желудка. Однако он считал себя писателем и на лекциях вместо конспектов писал стихи, но ему не хватало того геройства, которое в искусстве называют талантом. В его любовных приключениях тоже не хватало чего-то подобного, и, так как женщины, угадывая это, не дарили его особым вниманием, он выработал в себе, что называется, возвышенное отношение, которое позволяло ему сторониться инициативы.

Однажды в компании друзей происходил традиционный обмен любовным опытом, и каждый рассказывал о подробностях ощущений своих партнеров. После окончания одного красочного повествования все повернулись к Герою, так как настала его очередь. Герой с брезгливой миной на лице объявил следующее: «Лучше выпить водки литр, чем лизать вонючий клитор».

На этот поэтический экспромт кто-то под общий смех отпарировал: «Мы знаем, что ты не способен ни на один из этих героических поступков». И действительно, Герой не пил спиртного, боясь бередить свою язву.

Он очень любил в одиночестве ходить по городу, любуясь старинными зданиями и дивясь интересным мыслям, приходящим ему в голову.

Когда же он возвращался домой и садился за стол, чтобы записать их, Герой вдруг обнаруживал, что все мысли беспробудно забыты, и он начинал думать, что, может, они ему лишь померещились.

Окончив институт, он женился по любви. Его избранница скрепя сердце согласилась выйти замуж. Предложений ей не делали, а мать подталкивала её на проторённую дорожку

¹⁰ Автор изъясил этот рассказ из первого американского издания книги. (Примеч. ред.)

замужества – пора, мол, – да и сама девушка устала ждать, боялась, что упустит случай, а ведь Герой был явно влюблён.

Вот так и поженились. На свадьбе новоиспечённая жена уже держала бразды правления и отдавала Герою приказы, которые были ещё в мягком и нежном тоне и умилённым гостям казались воркованием. К свадьбе невеста заставила Героя отрастить бороду, чтобы скрыть отсутствие у него подбородка, – ей всегда нравились подбородки волевые, торчащие вперёд. По велению жены они танцевали, чего Герой никогда себе не позволял из-за отсутствия у него чувства ритма. Он переминался с ноги на ногу, сквозь его густую бороду просвечивала добрая и слабая улыбка, и жена смотрела в его счастливые глаза и жизнерадостно думала: «А ведь он совсем ничего».

Через год у них родился сын, и ему жена отдала всё своё чувство любви, которое у неё так и не смог вызвать Герой. Так что ему в удел осталось презрительное безразличие. Герой тоже почувствовал безразличие, с удивлением обнаружив, что любовь его необратимо ушла. В студенческие годы, разглагольствуя о любви, он утверждал, что нужно разрывать отношения тотчас, как исчезает любовь, и бросаться на поиски новой. Однако теперь, глядя на ребёнка, к которому он тоже не испытывал любви, а лишь увидел в нём новую пожизненную обязанность, Герой открыл для себя реальность и своё бессилие в ней. Однажды после особо громкого скандала с женой он уехал к матери и переждал у неё ночь. Мысль о разводе внушала ему ужас, ибо в нём он видел не освобождение, а неизбежность действий и усилий, необходимых для совершения этой процедуры. Кроме того, его страшило одиночество, от которого он попросту отвык. Поэтому после работы он вернулся домой как ни в чём не бывало. Жена обругала его матом, что стало унылой нормой в их отношениях, а Герой сделал вид, что игнорирует её. Он утешал себя тем, что он якобы уступает ей в мелочах, а в серьёзных вопросах настаивает на своём. В глубине души он знал, что это ложь, и поэтому ему, выпровоженному на улицу гулять с сыном, было кисло.

Он вспоминал первое время после свадьбы, когда по утрам его будил долгий поцелуй жены. Ею владела тогда утренняя страсть, и она просыпалась раньше Героя. Он чувствовал её жадный рот, пахнувший только что использованной зубной пастой. Он же старался не открывать своего рта и лишь высовывал язык между сжатыми губами, пока она объезжала его, ещё полусонного. Через пару месяцев она перестала чистить зубы, прежде чем начинать целовать его по утрам, и он не скрывал более своего запаха, так что к концу первого года они совсем забыли стыдиться друг друга и могли звучно выпускать газы, лежа в постели, ставшей больше ложем сна, нежели ложем любви.

Постепенно Герой утратил всякий интерес к телу своей жены, да и она уже не просыпалась по утрам раньше него. Часто он, с обжигающим холодом в сердце, смотрел на её спящее блеклое лицо с плохо смытой краской на глазах и ужасался чужести этого человека. Во время сна жена клала руку на подушку, рядом с головой, и её большой палец, ноготь которого она постоянно сгрызала, вызывал у него тошноту. В период менструаций, которые длились у жены удручающе долго, Герой всегда испытывал жгучий стыд, когда они бывали среди знакомых или в общественном месте, – ему казалось, что все чувствуют запах, исходящий женой, который она никак не могла утаить, а вернее, мало об этом заботилась.

Подвыпив в компании знакомых, жена любила прозрачно намекать на сексуальное безразличие к ней Героя. Знакомые понимающе хихикали, а он снисходительно улыбался, будто речь идёт о ком-то другом. В такую минуту ему очень хотелось занять любовницу, но случай всё никак не подворачивался, и он опять забывал о своём желании.

Герой часто задавал себе вопрос, изменяет ли ему жена, и после анализа её поведения приходил к желаемому «нет». Однако этот вопрос возникал снова и снова, и в конце концов Герой перестал пытаться найти ответ, а просто смотрел на него сторонним взглядом, пока его вопрошающая сила не иссякла от безразличия к той, к которой обращалась.

Единственным, что зыбко связывало его с женой, был сын, но он выросал злобным зверьком, и Герой не умел к нему подступиться.

Герой считал себя талантливым поэтом, но у него не находилось времени на работу, чтобы продемонстрировать свои возможности. Его ежедневные служебные обязанности сводились к ремесленничеству, в котором он либо не умел, либо не хотел отыскать место для творчества. Понукаемый постоянными упрёками жены из-за его маленькой зарплаты, он время от времени делал вид, что ищет работу по совместительству. Но если такая возможность появлялась, он предпринимал всё, чтобы она осталась неиспользованной.

Досуг свой он тщательно берёг. Герой отгораживал его для книг, кино и телевизора. Он бывал рад случаю поговорить об увиденном или прочитанном, но в речи его не было ни тонкости, ни красок, и лишь по тому, как он верно подмечал отдельные удачные детали, можно было догадаться, что в душе у него существует невыраженная глубина. Любимой мечтой Героя была мечта отснять фильм: перед его глазами стояли кадры, потрясающие зрителя своей значительностью и операторской работой. Стоит ли говорить, что Герой не делал и малейшей попытки для реализации своей мечты.

Так длилась жизнь.

Ещё с детства он испытывал огромное внутреннее сопротивление пробуждению утром, когда звонил будильник или мать трясла его за плечо. Приходилось громко включать радио, кричать ему в ухо, брызгать холодной водой, чтобы поднять его с кровати. Повзрослев, он приучился преодолевать неприязнь к принудительному пробуждению, подниматься сразу, как зазвонит будильник, но зато он стал размышлять об этой неприязни. Размышления не приводили пока ни к каким выводам, но работа мысли расходовала энергию, которая образовывалась каждым утром после ненавистного пробуждения. Он иронически называл себя «спящим некрасавцем», вспоминая время, когда утренние поцелуи жены делали его пробуждение радостным. В выходные дни Герою тоже не удавалось проснуться самому – то начинал шуметь сын, то жена гремела на кухне, а то и просто будила, раздражённо напоминая, что ему нужно успеть сделать те или иные домашние дела.

Самое большое удовольствие в жизни он испытывал от естественного пробуждения, в его первые моменты, когда ещё нет памяти и всё перед тобой неизвестно, и только через несколько секунд вспоминаешь, где ты, кто ты и что у тебя за жизнь. Это ощущение было особо прекрасно летом, когда подталкиваемые ветром ветви деревьев заглядывали в окно, а солнечные лучи, просеиваясь через листья, превращались в мутные качающиеся тени на стене, перемешиваясь с ботаническим рисунком на старых обоях. За окном слышны были птицы, говорящие наперебой. Иногда влетала громкая навозная муха и с остервенением носилась по комнате, пока наконец не вылетала в окно, оставляя после себя тишину пробуждения. Мысли в такое время отличались большой подвижностью, которая с лихвой компенсировала отсутствие у них глубины. В теле, как флаг, развевалось состояние радости и покоя, словно благополучно вернулся домой после дальней поездки.

Герой давно не испытывал этого состояния и остро тосковал по нему каждый раз, оказавшись бесцеремонно разбуженным жизнью, которой ему приходилось жить. И чем острее была эта тоска, тем больше он думал о её сути.

Нет ни одного надругательства над человеческой природой, которое было бы столь повсеместно, а потому и воспринималось бы столь естественно, как принудительное пробуждение. Сотни миллионов людей пробуждаются от звона будильника, от сигнала трубы, от крика или удара. А ведь сон, думал Герой, – это квинтэссенция духовной жизни, возможной в материальном мире. Тело продолжает выполнять минимум необходимых физиологических функций, чтобы оставаться несожжённым мостом между иным миром, куда отправляется душа, и этим миром. Однако еженощные путешествия души с неведомой, но с чрезвычайно важной миссией небрежно прерываются под любым благовидным предлогом. Ежедневная, ненавист-

ная для большинства людей работа считается самым угодным обществу предложением, а следовательно, и самым естественным для принудительного пробуждения. Люди мазохистски нацеливают будильник на определённый час своего сна или просят кого-нибудь их разбудить. Более того, проснувшись, они будут подставлять своё тело под холодную воду, заставляя его двигаться, то есть делать всё то, что изгоняет сон из их тела. Таким образом, люди живут добровольными рабами, которым общество за их послушание и самоуправление даёт звание «свободных». Так размышляя, Герой мечтал о бунте.

Иногда ему представлялось, что его сын силой своей молодой жизни сможет вывести его на какие-то новые просторы бытия. И он неуклюже пытался найти контакт с сыном, принимаясь за его воспитание. Но если Герой грозным голосом запрещал ему что-то, тот бежал к матери и получал то, что хотел, или сразу, или после истерики, которая прекращалась в тот же миг, как он получал требуемое. Жена в процессе рёва сына кричала, что убьёт его, перечисляя разные злодейские способы, вроде «голову оторву», но вскоре сдавалась и целовала его со страстью, не нашедшей лучшего применения. Если Герой возмущался, что жена позволила сыну то, что сам он только что запретил, жена обрушивала на него всегда изобильное раздражение, называя Героя то «скотиной», то «пустым местом», то ещё как, в зависимости от того, что ей казалось наиболее оскорбительным в данный момент. Сын победно взирал на отца, держась за мамину юбку. Герой, сверкнув глазами, уходил к себе в комнату с отчаянной верой в сердце, что когда-нибудь он найдёт выход из этого положения каким-то необыкновенным способом, который не потребует сил на развод и начинание новой жизни.

Однажды он сидел вместе с сыном и смотрел телевизор. Сын обожал серию фильмов про чудовищ, но в то же время очень боялся, когда они появлялись на экране. Поэтому, смотря эти фильмы, он требовал, чтобы кто-нибудь из взрослых сидел рядом и держал его за руку. Это сохраняло в нем чувство безопасной реальности. Герой сидел в кресле чуть позади сына, который расположился на стуле, поближе к телевизору. Фильм только что начался, и монстры ещё не появились. Через несколько минут они выползли на экран, и сын, не оборачивая головы, протянул руку назад, ожидая, что отец возьмёт её в свою. Но Герой неожиданно сам увлёкся фильмом и не заметил протянутой руки сына. И тогда сын, не сводя глаз с экрана, сказал нетерпеливо: «Дай руку, скотина». Герой вздрогнул и автоматически повиновался. Через секунду его разобрал смех от этого «жениного» слова, так уютно устроившегося в сыновней головке. А потом он почувствовал бешенство и выкрикнул его: «Как ты смеешь так разговаривать с папой?!» Сын бросил: «Не мешай смотреть». Герой опять повторил свой риторический вопрос, и тут он услышал открывающуюся входную дверь – пришла жена. Сын с плачем кинулся к матери, и отцовский гнев перестал быть страшен. После этого случая Герой ясно понял, что сын для него недосыгаем и с каждым годом будет отдаляться всё больше и больше.

На работе, которая поглощала значительную часть жизни Героя, у него друзей не было. Говорить с коллегами ему было не о чем, так как общие темы, благодаря которым поддерживаются разговоры, были ему противны, а о вещах сокровенных он не любил говорить ни с кем. Работа его не требовала усилий для выполнения и увлекала его своей монотонностью. После работы он приходил домой и обедал с женой и сыном. Еда, приготовленная женой, была всегда невкусной, но он привык и к этому. Во время обеда жена рассказывала ему о том, как прошёл её рабочий день, как её опять хвалил начальник, и рассказ этот она прерывала поцелуями, которыми осыпала сына. «Как я по тебе соскучилась!» – восклицала она, прижимая его к себе, и тут же: «Не ешь руками, возьми вилку – слышишь, я сейчас тебя убью!»

Герой уже не обращал на это внимания, как живущий на берегу моря не замечает шума волн. Обеденный разговор, как правило, сводился к одному и тому же: жена попрекала Героя его маленькой зарплатой и многозначительно заключала, что он ни на что не способен. Герой откликался гневным или усталым: «Прекрати!», вставал из-за стола, что было очень кстати, так как еда к этому моменту уже была закончена, и скрывался в своей комнате. Раньше он старался

писать, но вскоре стал больше заниматься чтением, а в последнее время не мог оторвать себя от телевизора. В былые времена он с презрением отзывался о тех, кто ежевечерне и подолгу смотрел телевизор. Но теперь он легко убедил себя, что есть очень познавательные передачи, которые могут заменить книги. Но даже тогда, когда передача была неинтересная, он не мог заставить себя выключить телевизор и смотрел допоздна, пока сон не закрывал ему глаза.

День ото дня Герою становилось тяжелее подниматься по будильнику. Весь протест, накопившийся к ведомой им жизни, выплёскивался гневом на эту адскую машинку. Одним утром он так рассвирепел, что швырнул будильник об пол. Жена накинулась на мужа с руганью, замешанной на её гнилостном утреннем дыхании.

В тот день на работе, машинально делая бесконечные вычисления, он наблюдал в себе незаживающее чувство оскорблённости от принудительного пробуждения. Никогда раньше это не было так сильно. Возбуждение постепенно спадало, но мысли не уходили в сторону от мечты о свободе пробуждения. Герою казалось, что, обрети он эту свободу, он сможет быть свободным во всём остальном. А ведь требует он так мало – девять часов сна, но не приуроченных к нужному времени подъёма, то есть обязывающих ложиться в десять вечера, если надо вставать в семь утра, а всегда находящихся в его распоряжении в любое время суток. Каждое утро, каждое пробуждение виделось ему новым рождением в мир. И, продолжая сравнение пробуждения с рождением, преждевременное пробуждение представлялось ему преждевременными родами. Девять часов сна – девять месяцев беременности. Недоношенный ребёнок – семичасовой сон – может вырасти в здорового ребёнка (полноценный день), но только если за ним ухаживают с особой любовью. Так же и день после семичасового сна может оказаться достаточным, если два нед о спайных часа компенсируются любовью к женщине или к делу. Если же сон ограничен двумя-тремя часами, то пробуждение после такого сна уподобляется аборту. И не будет тебе жизни, пока не восполнишь этот недостаток в другое время.

В течение дня происходит совокупление тела и души, так что к вечеру происходит зачатие. Сон вынашивает тебя для новой жизни, и каждое утро ты рождаешься заново, новым человеком, умудрённым опытом предыдущего дня – предыдущей жизни. Сон – это мать, из которой ты родился, и от того, как ей позволят тебя выносить, зависит твоя жизнь – жизнь следующего дня.

Теперь Герой с особым чувством ждал выходных дней и праздников, не чтобы долго спать, а чтобы просыпаться самому. Добровольное пробуждение стало для него чем-то святым, и, когда жена в одно из воскресений грубо растормошила его, требуя начать что-то делать по хозяйству, он изо всех сил влепил ей пощёчину. Жена очень испугалась, так как раньше он никогда на неё даже не замахивался. Он любил в себе холить чувство вымученной гордости, что он никогда не бил женщину. Теперь же, после первой пощёчины, Герой обрадовался потере этой обременительной невинности, а жена некоторое время не заводила ссор, но, видя, что муж не отвечает на бросаемые пробные камни, снова вошла в прежний режим оскорблений и криков, и только свободное пробуждение в выходные дни осталось неприкосновенным.

Одержав первую победу над внешним миром, Герой стал пристально задумываться о буднях. Чем слаще было свободное пробуждение в воскресные дни, тем унижительней и нетерпимей становилось принудительное пробуждение в будни. Его работа виделась ему изощрённым орудием, с помощью которого общество вторгалось в его духовную жизнь. Только во время болезни общество соглашается дать человеку свободу спать и пробуждаться, как того требует его душа, да и то в корыстном соображении, что сон в данном случае будет служить лекарством, и, следовательно, вернёт человека в строй трудоспособных.

Герой вспоминал, как, бывало, ему хотелось проснуться к какому-то определённому часу. Так было в то утро на втором месяце их женитьбы, когда он хотел встретить жену в аэропорту после её недельной командировки. Он поставил будильник на пять утра, но проснулся

сам – без одной минуты пять. И так случалось всегда, когда душа стремилась участвовать в его телесной жизни. И только бездуховная жизнь делала его пробуждение принудительным.

Чтобы оправдать пренебрежительное отношение ко сну, его низводят до якобы элементарного отдыха тела от трудов праведных. В действительности же сон – это необходимый «отдых» души от невыносимой материальности мира. Тело, на примере сердца, постоянно доказывает, что оно может работать без всякого отдыха в течение всей своей жизни.

Как смешон может показаться бунт человека, не пожелавшего просыпаться по команде и не реагирующего на попытки разбудить его. Но если представить, что все люди решат просыпаться свободно, придётся перестраивать всю систему взаимоотношений в человеческом обществе, ибо она станет основываться на духовных отношениях. Это значит, что произойдёт сортировка людей на вкладывающих свою душу в дело, которым они занимаются, а значит, и пробуждающихся для своего дела свободно и самостоятельно, и на людей, душа которых не лежит к делам, что им навязаны. У таких людей, решившихся на свободу пробуждения, душа не позволит растрачивать свою жизнь на чуждое ей дело – она будет клонить их тела в сон в самое ответственное для этого неуютного дела время или медлить с возвращением в тело, когда ненавистное дело требует к себе внимания. Вот тогда и обнаружится, какое огромное большинство людей не пожелало бы проснуться, если бы их не будили.

Эта мысль ошеломила Героя. Он вдруг увидел сон как надёжное убежище от жизни, часто такой нежеланной.

Однако стоило возникнуть у него чувству протеста, как мозг Героя спешно анализировал и разрушал силу этого протеста. И единственный раз, когда мозг не успел включиться, произошёл в полусне, когда он ударил жену из-за того, что она его разбудила. «Значит, я смог обрести силы на чувства из области сна, и, значит, область сна была недоступна для уничтожающей работы мозга. И если сумею не реагировать ни на шум, ни на боль во время сна, а просыпаться только по желанию души – это было бы самым серьёзным шагом в моей жизни», – подумал Герой.

Когда, придя с работы домой, он не включил телевизор, жена спросила с издёвкой, не заболел ли он. Герой ничего не ответил и ушёл в спальню. Он разделся, лёг в кровать и долго лежал, обдумывая принятое решение, которое не ослабело, как всегда бывало с его решениями, но лишь укреплялось.

Он слышал, как жена укладывает спать сына. Это был ежевечерний ритуал плача, угроз, рассказывания сказок, опять угроз и опять плача, который занимал не меньше часа. Сын требовал, чтобы в комнате горел свет – боялся засыпать в темноте, – и всегда настаивал на своём. Жена не выдерживала истерического плача сына и возвращалась включить свет.

«Заснуть так, чтобы и его крик не смог разбудить меня», – мечтал Герой. Вошла жена, разделась и легла. Движение воздуха от её укладывания в постель донесло до него запах пота. Он лежал к ней спиной и притворялся, будто спит. «Ты что, уже дрыхнешь?» – спросила жена, но Герой ничего не ответил. Этим вопросом у них в последнее время исчерпывалось общение в постели. Но теперь Герой думал только об одном – как уйти в сон. Он услышал, как жена открывает ящик тумбочки, вытаскивает вибратор и настраивает его на любимую скорость. Жужжание вибратора погрузило Героя в желанный сон.

Когда он проснулся – он увидел склонённое над ним лицо мужчины. Мужчина был одет в деловой костюм, и на шее у него висел стетоскоп. Рядом появилось испуганное лицо жены.

– Как вы себя чувствуете? – спросил мужчина, и Герой понял, что это врач, но не мог понять, зачем он здесь. Врач потряс Героя за плечо и повторил вопрос.

– Прекрасно, – ответил Герой и сел в кровати, – а, собственно, в чём дело?

Врач было открыл рот, но жена перебила его:

– Я не могла тебя разбудить, ты спал, будто мёртвый.

– Сколько времени? – спросил Герой.

– Три часа дня, – ответил врач.

Герой победно улыбнулся. Его мечта сбывалась – он становился неуязвимым.

– Ты чего улыбаешься? – тревога на лице жены быстро сменилась раздражением. – Ты ведь работу проспал. Я уже тебя и трясла, и водой обливала, и щипала – ничего не помогало.

– Папа, ты живой? – спросил сын, приоткрыв дверь в спальню.

– Спроси у мамы, – сказал Герой.

Врач тем временем кончил измерять пульс. Затем он стал исследовать глаза Героя, прослушивал сердце и наконец глубокомысленно объявил, что Герой вполне здоров, однако он хотел бы его исследовать более подробно в больнице. В заключение он заверил, что случаи летаргического сна крайне редки и столь крепкий сон Героя можно объяснить нервным переутомлением. Врач ушёл с плохо скрываемым недоумением на лице.

А в сердце Героя клокотала радость победы. Он чувствовал в себе небывалую силу. «Вот почему крепкий сон называют в сказках богатырским», – думал Герой. Ему не терпелось ещё раз испытать силы своей души, которые так успешно противостояли напору чужого мира. Визит врача придал ему статус больного, несмотря на диагноз абсолютного здоровья, поэтому Герой решил не вставать с постели. Он взял книжку, но читать не мог и положил её рядом с собой. Он смотрел в окно, в котором покачивались стареющие деревья.

– Так и будешь весь день валяться? – спросила жена, входя в комнату. – Я ведь из-за тебя тоже на работу не пошла.

– Я спать хочу, – сказал Герой, по-прежнему глядя на деревья.

– После смерти выспишься, – ответила жена. Она хотела сказать что-то ещё, но закричал сын, и жена выбежала из комнаты.

Он смотрел на деревья и думал о том, как безразличен он людям и как люди безразличны ему. Вот они рождаются, проходят все стадии жизни, и для тебя это представляется таким естественным, и чувства этих людей не трогают тебя. Когда же они умирают, ты просто переводишь взгляд на других, ещё молодых, и жизнь для наблюдателя продолжается непрерывно. Но когда-то поймёшь, что ты не наблюдатель, а участник, а значит, смерть придёт и к тебе и кто-то другой так же легко переведёт свой взгляд с тебя на кого-то другого. И никто не поймёт предсмертных чувств твоих, пока не умрёт сам, но будет уже поздно и для него, и давно – для тебя. Так, непониманием друг друга, люди ограждены от преждевременного знания смерти.

Героя стало клонить в сон, и он обрадовался этому мягкому, но властному ощущению. Он заснул ранним вечером и не слышал ни шума телевизора, ни плача сына, ни крика жены. Он лишь чувствовал растущую глубину покоя, который заполнял его.

Утром жена обнаружила, что тело Героя холодно. Вызванный врач констатировал смерть. Жена, напуганная и растерявшаяся, плакала без всхлипываний и мучилась кошунственным чувством облегчения, которое она опознала среди своих ощущений горя, ужаса и беспомощности. Приехала тёща и, бегло взглянув на нелюбимого зятя, увезла внука к себе. Когда на вопрос мальчика: «Что случилось с папой?» тёща ответила: «Он умер», – мальчик ринулся к телефону.

– Ты кому звонишь? – удивилась тёща.

– Я хочу попрощаться с папой, – сказал сын.

Мускулистая смерть

Его огромные мускулы прельщали женщин.

Зная об этом, Нар всегда ходил напрягаясь, чтобы мышцы выступали рельефнее. Он никогда не держал руки, что называется, «по швам», а присгибал их в локтях, выпячивая грудную мускулатуру. Это влекло за собой и поднятие плеч, которые хоть и были от природы

покаты, но, обросшие мышцами, казались широкими. Постоянное напряжение так вошло у него в привычку, что даже во сне он поигрывал бицепсами.

В семнадцать лет он уехал из маленького городка в столицу, поступил в институт и взялся за изучение наук с настырностью и усидчивостью провинциала. Но не меньше усилий он посвящал спорту. Увидев однажды фотографию знаменитого культуриста, Нар раздобыл журналы и книги по культуризму, и стены в его комнате быстро украсились фотографиями, но не женских, а мужских тел, состоявших из гипертрофированных сгустков мышц, за возвращение которых культуристы получали международные призы.

Чем больше мышц появлялось на теле Нара, тем больше он проникался к нему любовью. Особенно ценил он своё тело за способность привлекать внимание женщин. Правда, это удавалось не со всеми. Вернее, внимание обращали практически все, но то тёплое внимание, которое так легко переходит в нежность, доставалось ему не всегда. Некоторые девушки иронически смотрели на его топорщащийся на мышцах пиджак и спрашивали:

– Ты что, туда вату подкладываешь?

– Можешь потрогать – всё настоящее, – серьёзно отвечал Нар.

– Как-нибудь в другой раз, – говорили девушки, предпочитая верить ему на слово.

На одной из первых студенческих вечеринок некая любознательная девушка попросила его показать ей мышцы воочию. Она провела Нара в другую комнату, где никого не было, и попросила его раздеться до пояса. Пока он аккуратно укладывал пиджак и рубашку на стул, девушка успела раздеться полностью, бросив одежду на пол, так что, когда он повернулся к ней, ему предстало зрелище, которое он увидел впервые в жизни.

– Какая у тебя большая грудь, как у женщины, – воскликнула она и поцеловала его в сосок.

Он рефлекторно напряг мышцу, и грудь подпрыгнула. Девушка рассмеялась и поцеловала его в губы.

Несмотря на то, что мозг его норовил отключиться и предоставить телу свободу, всё-таки Нар успел связать два факта: начальный интерес девушки к его атлетической фигуре и получаемое наслаждение. И впоследствии Нар замечал, что все любовные испытания, которым он подвергал своё тело, происходили по одной и той же схеме: женщина, восхитившись его телом, предлагала своё. Усвоив эту закономерность, Нар стремился, чтобы она срабатывала как можно чаще.

Лето он старался проводить на пляже, даже если дни были пасмурные. Он ходил вдоль берега, заговаривая с девушками. Иногда он играл в волейбол, но из-за обилия мышц движения Нара оказывались скованными и недостаточно быстрыми, так что некоторые худощавые игроки, которых он про себя называл «бегунами», играли живей его. Поэтому, сделав несколько ударов, чтобы продемонстрировать мускулатуру в движении, он выходил из круга, будто бы разочаровавшись в квалификации остальных. Зимой Нар с бравым видом выходил во двор натираться снегом и старался никому не показать вида, что ему холодно. Он также ходил на реку, где в определённом месте плавали «моржи». С каменным лицом он окунался в большую прорубь и отталкивал от себя льдины. Вокруг собиралась толпа зрителей, постукивающая ногу об ногу от мороза, и Нар вылавливал из неё восторженные взгляды. Ничего удивительного, что зимой Нар обыкновенно ходил простуженный.

Однако, к его величайшему сожалению, большую часть времени приходилось носить одежду, и, уж коль одежда скрывала его мускулатуру, он старался перенести на одежду ту функцию привлечения внимания, которую выполняло бы тело, будь оно обнажено. Посему цвета он выбирал в гамме от ярко-зелёного до оранжевого, а фасоны изобиловали выточками, хлястиками, кармашками, окантовками и прочими ухищрениями. Увидев Нара в очередном наряде, один из приятелей сказал ему:

– Уж ты бы лучше разделся, был бы хоть вид попрстойнее.

А когда ему кто-нибудь говорил в лоб, что он одевается безвкусно, Нар требовал логических доказательств, которых, конечно, ни у кого не находилось, и он чувствовал себя победителем.

Иногда, разглядывая своё тело, Нар вспоминал, что он должен когда-то умереть и что столько трудов, положенных на выращивание таких красивых мышц, пропадут бесследно вместе с самими мышцами. В ужасе отшатнувшись от этой мысли, Нар запихивал её в тёмный угол сознания и направлялся на тренировку. Проходя по улице мимо витрин магазинов, он смотрел на своё отражение и радовался, что ещё молод и ему предстоит долгая жизнь с таким красивым и сильным телом.

Как-то он увидел объявление о приёме в студию пантомимы. Нар записался в тот же день и с радостью купил себе униформу мимов – чёрное трико. На первом занятии правый рукав лопнул по шву, когда он резко согнул руку. Но одна из студенток вызвалась зашить его. Когда через несколько дней они оказались в постели, девушка поведала ему о своих опасениях забеременеть и наотрез отказалась принимать всерьёз противозачаточное средство, которое он стал было напяливать неумелыми пальцами. В качестве компромисса девушка повернулась к нему спиной.

Поначалу Нар был шокирован, так как у него возникли ассоциации с педерастией, но потом желание взяло верх, и он с грехом пополам от него избавился. Нар чувствовал, что девушка ожидает от него какого-то компромисса, чтобы получить ту долю ощущений, которые по законам природы причитались и ей, но, оказавшись в удовлетворённом состоянии, он уже не хотел о ней думать и любовался мышцами своего брюшного пресса. Девушка с нежностью рассматривала тело Нар а, послужившее ей объектом эстетического восхищения, которого у неё хватило лишь на ещё одну встречу.

Отзанимавшись мимическим искусством около месяца, Нар решил продемонстрировать приятелям свои успехи. Он не поленился переодеться в чёрное трико и объявил название номера – «Хищная птица». То, что он пытался изобразить, перегибаясь в талии и оттопыривая руки назад, более походило на упражнение для косых мышц спины. Некоторые зрители высказали мнение, что если уж это птица, то никак не хищная, а скорее всего домашняя, под названием «индюк». И действительно, в том, как он пыжился, определённое подобие наблюдалось, но его он легко достигал и вовсе без всяких занятий, о чём ему без обиняков поведала благодарная аудитория. После этого дебюта Нар прекратил свои занятия в студии пантомимы.

Все растущая любовь Нара к собственному телу постоянно вызывала у его знакомых желание над ним подтрунивать, и Нар воспринимал это стоически. Однако многих он просто раздражал, и, когда, бывало, ему говорили грубости, он, вместо того чтобы ответить тем же или просто прекратить с этим человеком общаться, начинал «выяснять отношения» и добросовестно удивлялся: «Ну, что я тебе сделал?», – так что на него махали рукой и отходили в сторону.

Несколько раз, когда назревала драка из-за совсем уж невыносимых оскорблений, Нар раздувал мышцы и сверкал глазами в направлении обидчика, чем ему удавалось утешить противника и заставить его совершить примирительные действия, за которые Нар охотно хватался.

Как-то раз он шёл по улице с девушкой и проходящий мимо парень толкнул его. Нар остановил его за рукав и потребовал извинения. Тот послушно остановился, будто прикидывая, извиниться или нет, и вдруг сильно ударил Нара в лицо. Нар на секунду потерял сознание, но удержался на ногах. Придя в себя, он увидел, что парень бежит, быстро удаляясь. Нар бросился за ним, но очень скоро почувствовал, что парня ему не догнать – Нар бегал медленно, да тот уже и скрылся из виду. Нар вернулся к плачущей от испуга девушке, крови на лице не было, а боль быстро прошла. Девушка в этот вечер была очень ласкова, а Нар вслух негодовал на «подлеца», внимательно изучая своё неповреждённое лицо в зеркальце её пудреницы.

Приходя «качаться» в спортивный зал, Нар приносил с собой литр молока в картонном пакете, который он ставил рядом со штангой и выпивал за время тренировки. В каком-то журнале он вычитал, что именно таким способом резко ускоряется рост мышц. В один из дней в зале проходила тренировка волейболисток, и к нему часто забегали девушки забрать залежавший мяч, так как в то время Нар самозабвенно выжимал штангу. Одна из девушек, забрав мяч, спросила его, зачем он пьёт молоко. Нар объяснил, а она глупо захихикала. Вскоре у волейболисток начался перерыв, и они расселись неподалеку от Нара. Он же старался не обращать на них внимания, будучи уверен, что большинство девушек наблюдает за ним. Поотжимав штангу, он принимался попить молоко очень маленькими и медленными глотками – так было указано в журнале. В то же время он как бы невзначай поворачивался к девушкам разными сторонами своего тела. Та, что подбегала за мячом, спросила его издали, давно ли он занимается культуризмом. Нар ответил ей, напрягая голос, чтобы она, да и все остальные, услышали его.

– А правда ли, что культуристы бреют тело?

– Да, это необходимо для соревнований, – подтвердил Нар, вспоминая, что ему пора подбрить грудь и под мышками.

– И сколько вы молока выпиваете? – спросила любознательная девушка.

– Один литр за тренировку, – с готовностью ответил Нар и, чтобы поддержать разговор, добавил, сделав очередной глоток: – Ну и молоко теперь делают – настоящая вода.

Все девушки вдруг покатались от хохота. Оказалось, что, когда Нар отлучался в туалет, девушки выпили почти всё молоко и налили вместо него воду, а Нар, вернувшись, продолжал её пить, ничего не подозревая. Когда девушки рассказали ему об этой шутке, Нар снисходительно посмеялся вместе с ними, хотя на душе у него было неприятно – впервые над ним смеялось столько женщин и именно тогда, когда он был во всеоружии, то есть с обнажённым телом.

Этот случай увеличил его копящуюся неудовлетворённость женщинами. Вообще говоря, больше всего ему нравилась завязка отношений, которая состояла в восхищении его телом. Однако связь быстро утомляла Нар а, потому что женщинам приходилось потакать, вынуждая себя на ответное восхищение. Впрочем, и женщины почему-то быстро охладевали к нему. Кроме того, тренировки и занятия в институте отнимали у Нара много энергии, и чем рельефнее становились мускулы и глубже знания по предметам, тем реже просыпался у него интерес к женскому телу. Потому он стал воспринимать как назойливый укор постоянную готовность женского тела к совокуплению, о которой некоторые женщины осмеливались ему намекать. Самое большое удовольствие он получал, когда женщина делала ему массаж, так как он знал, что в это время она любит его телом. А во время объятий ему всегда казалось, что женщине безразлично, он это или кто-либо другой – ведь чем крепче объятия, тем меньше она может видеть его тело. Нар также опасался, что продолжительное движение бёдрами, которого от него так жадно ждали женщины, приводит к непропорциональному развитию мышц, опоясывающих талию, и таким образом нарушается силуэт его фигуры. Поэтому он предпочитал посадить женщину на себя, чтобы его тело было всегда ей видно, да и двигаться ему тогда почти не приходилось.

С одной девушкой он встречался около года и даже продумывал возможность женитьбы. Но однажды она упомянула, что у неё было воспаление придатков, и Нар насторожился и стал её подробно расспрашивать, как долго длилась болезнь, как девушку лечили и лежала ли она в больнице.

– Что ты так забеспокоился? – удивилась она. – Ведь всё давно прошло.

– Но я читал, что женщина может стать от этого стерильной, – пояснил Нар. Иногда ему нравилось представлять себе будущего сына, с восхищением смотрящего на своего сильного отца. И чем больше он об этом думал, тем яснее он понимал, что не может поставить на карту

свою жизнь так легкомысленно – если девушка не сможет забеременеть, придётся разводиться и ломать всю жизнь.

Но встречаться с этой девушкой он продолжал, так как жила она рядом, что было очень удобно. Наступил день её рождения, и Нар подарил ей очень красивую открытку. Преподносил он её в конверте, да так церемонно и торжественно одобрил её столькими витиеватыми пожеланиями, что девушка вынуждена была его прервать.

Нар допытывался у неё весь вечер, почему у неё такое плохое настроение, а когда на следующий день он ей позвонил, она сказала, что больше не хочет его видеть.

– Почему? – искренне удивился Нар. – Может быть, я сделал что-нибудь не так, ты скажи мне.

Но она не пожелала ничего объяснять и попросила больше ей не звонить. Сначала он решил пойти к ней и потребовать объяснений, но потом подумал, что это не гордо, и сел писать обстоятельное письмо, где на пяти страницах логически доказывал, как важно им оставаться вместе. «Уж если это письмо её не убедит, то я не намерен больше унижаться», – сказал он себе, очень точно предчувствуя, что она ему не ответит.

Самой большой статьёй расхода в бюджете Нара была еда.

Тучные мышцы нужно было содержать – они нуждались в хорошем и обильном питании. Желудок его неохотно принимал рубленое мясо и настоятельно требовал грудинку, филейные и прочие мясные части. Фрукты вызывали у него особое вожделение. Если перед ним ставили вазу с фруктами, он не мог остановиться, пока не съедал всё. Поэтому в гостях он себя вёл демонстративно непринуждённо, будто бы и все вокруг обладают таким же аппетитом. На предложение поесть он соглашался тотчас, но всегда добавлял: «Только, пожалуйста, чуть-чуть». В ожидании супа он выбирал самый большой кусок хлеба, который он тщательно намазывал жирным слоем масла, так что поверхность хлеба не просвечивала, затем он укрывал этот слой несколькими кусками колбасы или мяса – сыра он не любил, считая его малокалорийным. Потом Нар милостиво принимал тарелку супа, соглашался на добавку, досконально очищал тарелку со вторым и был готов к десерту. Шоколад он хоть и любил, но старался много не есть, опасаясь испортить зубы. Так как безостановочно есть фрукты ему было неудобно, Нар вставал из-за стола и, разговаривая с тем или другим, старался проходить мимо вазы с фруктами и как бы невзначай брать то яблоко, то грушу, то ещё что-то. Благодаря таким пищеварительным способностям, мышцы Нара прямо рвались из-под тонкой плёнки кожи, которая кое-где напоминала даже не плёнку, а сеть, накинутую поверх мускулов кровеносными сосудами.

В одни из летних каникул Нар поехал отдыхать на взморье со своим другом. Все дни они проводили на пляже, где старались познакомиться с каждой миловидной девушкой. Наметив очередную разомлевшую на солнце жертву, Нар возглавлял атаку. Его друг был чуть позади, а Нар, потрясая мышцами, произносил, заслоняя собой солнце, что-нибудь глубокомысленное официальным басом:

– Надеюсь, мы вам не помешаем, если расположимся поблизости от вашей очаровательной спины.

Каждый раз его друг внутренне морщился от фальшивости такого вступления, тем более когда девушка откликлась с явной иронией, и заговаривал сам, спасая положение. Его собственное тело выглядело щупленьким на фоне Нара, но он мог разговаривать с любой девушкой так легко, будто знает её с раннего детства. Нар никак не мог понять, почему девушки часто отдавали предпочтение его другу, и, чувствуя себя задетым, старался не подавать вида и до упора расправлял плечи.

Раз в день они ели в ресторане и договаривались для удобства платить одному за двоих по очереди раз в день. Так получалось, что когда платил Нар, он съедал в два раза больше, чем друг, а когда была очередь платить другу – больше в три раза. Друг заметил, но ему было

неудобно заводить об этом разговор. Нечто аналогичное происходило и с едой, которую они готовили дома, так как расходы они договорились делить пополам.

Как-то вечером, готовясь отправиться на прогулку, Нар сидел у зеркала и, жестоко расправившись с незваным прыщом, залеплял образовавшуюся воронку некоей мазью. К нему подошёл друг и попросил дать этой мази, так как у него треснула кожа между пальцами ног от ежедневного пребывания на пляже. Нар, не отрываясь от зеркала, сказал:

– Не могу, это очень дорогая мазь, которую я с трудом достал. Я её использую только для лица.

– Ну и дерьмо же ты, – потрясённо протянул друг.

– Ты думай, что говоришь, – грозно обернулся к нему Нар, держа двумя пальцами тюбик с мазью.

До самого отъезда друг с ним больше не разговаривал, хоть Нар и обращался к нему несколько раз с фразами типа: «Не понимаю, что ты сердишься на меня», пока друг не пояснил, что знать его больше не желает. После такого откровения Нар тоже самолюбиво замолчал.

Вместо дружбы Нар чувствовал вокруг себя что-то другое. После тренировок, моясь в душе, Нар часто замечал восхищённые взгляды мужчин, и он отгонял смущение, неизвестно почему появлявшееся. Однажды в раздевалке, когда он тщательно вытирался после душа, с ним заговорил мужчина. Спина у него была густо волосата, а грудь совсем безволосая. Нар замечал его и раньше, так как они обычно тренировались в одно и то же время. Нар обращал внимание, что тот пристально наблюдает за ним во время тренировок, и воспринимал это как естественное восхищение любителя профессиональной мускулатурой. И действительно, мужчина стал хвалить его телесные достижения и похлопал Нара по плечу. Потом его рука скользнула на талию, и затем он коснулся ягодиц Нара и выразительно посмотрел ему в глаза. Тут Нара осенила догадка об истинной подоплёке восхищения, и он резко отшатнулся от мужчины. И когда тот протянул руку опять, Нар изо всех сил оттолкнул его, и мужчина ударился спиной о шкафчик.

– Проваливай! – с угрозой в голосе, но не чувствуя злобы, крикнул Нар.

– Дурак ты, дурак! – примирительно сказал мужчина и, держась рукой за ушибленное место, отошёл к своему шкафчику в другом конце раздевалки. Нар поспешно оделся и в смущении вышел на улицу. Шагая, он думал, что, наверно, и раньше то, что он воспринимал как дружеское мужское восхищение его тренированным телом, было далеко не дружеским. Он вспоминал, как несколько раз в душевой мужчины заговаривали с ним, восхищаясь его телом, и в их глазах был уж слишком яркий огонёк. Раз какой-то мужчина похлопал его по задку, но это было как бы в шутку – мол, даже здесь у тебя столько мышц, – и Нар, хотевший было уже рассердиться, вмиг успокоился от общечеловеческого прикосновения.

Нар у вспомнились и насмешки приятелей по поводу его походки. Он старался выработать у себя мужественную походку, однако шутники утверждали, что он виляет задом, как женщина. Нар прохаживался перед зеркалом, и то, что другим представлялось вилянием, Нар называл чёткой работой ягодичных мышц. И теперь, идя по улице, он пытался представить себя со стороны, но и не намеревался менять походку, а лишь силился определить, глядя на прохожих, кому из них его походка может показаться соблазнительной. Эти мысли казались ему неприличными, но он вразумлял свою смущённую совесть тем, что он не может отвечать за чувства посторонних людей, если его тело настолько красиво.

Нар постоянно возвращался в мыслях к случаю в раздевалке и вынужден был признаться себе, что отвращения он не испытывал, а только рефлекторный страх. Более того, ему пришлось по вкусу это агрессивное восхищение его телом, которое никогда не исходило от женщин. В женском восхищении он всегда чувствовал излишнюю нежность и скрытую корысть, которая заключалась в желании получить ответное восхищение. Женское же тело восхищало его постольку, поскольку оно оказывалось приспособленным сопрягаться с его телом. Послед-

нее время он часто ловил себя на мысли, что женское тело всё сильнее ощущалось им как чуждое. Он сравнивал его со своим телом, и своё ему нравилось значительно больше, поэтому, когда он неожиданно для себя вдруг представил себе тело того мужчины, оно ему показалось более близким, потому что более походило на его собственное.

Нар уже два месяца не встречался с женщинами, так как интенсивно готовился к ответственным соревнованиям. Он был твёрдо убеждён, что половые сношения наносят вред спортивной форме. Замеряя сантиметром свою талию, грудную клетку, икры, шею, он с радостью убеждался, что размеры приближаются к идеальным, выведенным в специальных таблицах. Видя на тренировках своего агрессивного почитателя, Нар его демонстративно не замечал, а тот лишь улыбался, но не подходил и не заговаривал.

На соревнованиях Нар занял четвёртое место, что, вообще говоря, было неплохо, но оно не принесло тех аплодисментов и наград, которыми были одарены первые три призёра. Поэтому Нар был не в духе. Самое обидное было то, что его не вызвали на сцену при объявлении победителей и он не получил поцелуя и цветов, которые дарили хорошенькие девушки. Погружённый в эти невесёлые мысли, Нар не заметил, как к нему кто-то подошёл. И только когда он почувствовал чью-то руку на своём плече, он резко обернулся. Перед ним стоял его мужчина.

– Чего надо? – грубо сказал Нар и напряг мышцы.

– Они засудили тебя, – с пылким вдохновением сказал мужчина. – Я был в зале и всё видел. Первое место должно было быть твоим. Ни у кого нет прекрасней тела, чем у тебя.

Нар невольно почувствовал горячую приятность этих слов и привычно бросил взгляд на своё отражение в зеркале, висевшем на стене напротив. «Ничего страшного, если я поговорю с ним немножко», – подумал Нар и произнёс вслух:

– Я тоже был уверен в первом месте. У меня идеальные параметры.

– Вот именно, идеальные, – подхватил тот. – Послушай, я давно хотел предложить сфотографировать тебя. Я – профессиональный фотограф, и у меня дома маленькая студия. Я считаю, что тебе нужно послать свои фотографии в несколько журналов. Только через прессу ты сможешь получить настоящее признание.

Сердце Нара забилось быстрее обычного. «Признание» – какое точное слово. Его идеальная мускулатура заслуживает всеобщего признания. Нар представил себе, как люди раскрывают журнал, смотрят на его огромные мышцы и загораются безысходной завистью и непреодолимым восторгом.

– Хочешь, я сделаю несколько пробных фотографий? – услышал Нар.

– Когда? – вырвалось у него.

– Да хоть сейчас.

Нар подумал, что это первый раз в жизни, когда он ощущает такой настойчивый интерес по отношению к себе, и это было так сладко. «Наверно, женщины испытывали то же, когда я уговаривал их», – подумал он.

И хотя он знал, что предложение сфотографироваться не безгрешно, Нар пытался отогнать это знание железной палкой логики, говоря себе, что если тот будет приставать, то он свернёт его в бараний рог.

– Хорошо, но только недолго, – согласился Нар и снова вспомнил, что так часто отвечали ему женщины, которых он зазывал к себе домой. Мужчина не обманул – его квартира представляла собой нагромождение фотоаппаратуры, среди которой стоял большой диван, единственный предмет, который указывал, что это жильё. Фотограф вытащил откуда-то бутылку, но Нар отказался пить. Нара всё время не отпускала мысль, что он находится в положении женщины, и ему нравилось, что за ним ухаживают, обхаживают, прельщают.

Фотограф развернул большой экран, включил яркие лампы и сказал Нару, чтоб он разделся. Нар послушно снял тренировочный костюм, кеды и остался в трусиках. Фотограф, у

которого оказались очень длинные и ловкие пальцы, оценивающе посмотрел на Нара, и пальцы его, охватившие и поглотившие в себе камеру, замерли на мгновение.

– Снимай всё. Слышал про «обнажённую натуру»?

– Слышал, – сказал Нар и, подумав: «А почему бы и нет», снял трусы.

Впервые он чувствовал такое острое смущение перед мужчиной, и уши у него покраснели.

– Иди сюда, – позвал его фотограф, и в голосе его прозвучала нежность.

Он расположил Нара перед экраном, найдя неопровержимый предлог для лёгких прикосновений к его телу, и нырнул под кусок чёрного бархата, накинутого на камеру, оставляя на поверхности свои пальцы, прикасающиеся к различным её частям. Нар вставал в различные позы, а фотограф щёлкал затвором.

– Ну, пожалуй, хватит на сегодня, – сказал фотограф, и яркий свет потух.

Нар почувствовал себя неловко в наступившем полумраке и направился к своей одежде. Но мужчина оказался рядом с ним и, обняв Нара за талию, молящим голосом произнёс: «Дай мне дотронуться до твоего божественного тела. Пожалуйста, не уходи. Я сделаю из тебя знаменитость – все будут мечтать посмотреть на тебя. Ты будешь богат и знаменит, а я буду охранять и лелеять твою красоту».

Нар живо нарисовал в своём воображении картину своей жизни в богатстве и знаменитости, чувствуя телом не руки мужчины, а каждый его палец в отдельности. Нар понял, что он никогда бы себе не простил, если бы упустил такую возможность, и постарался расслабиться.

Через час Нар, встревоженный и разочарованный, шёл домой. Встревожен он был болью, которую ему причинил мужчина, и боль эта не проходила. Нар взял такси, но и сидя он чувствовал боль. Страх охватывал его, что телу его нанесён непоправимый ущерб, телу, на красоте и здоровье которого строится вся его жизнь. Нар хотел было поехать в больницу, но стыд удержал его, и он решил подождать до утра.

А разочарован он был равнодушием мужчины к его телу, которое наступило сразу после утоления желания. Нар чувствовал себя обманутым, ведь он на какое-то время поверил, что нашёл человека, который по-настоящему восхитился красотой его тела.

Наутро боль почти прошла. Нар твёрдо решил больше никогда не встречаться с фотографом. Три дня он из предосторожности не ходил тренироваться, ожидая, чтобы боль прошла совершенно. Когда он пришёл в спортивный зал, он сразу увидел фотографа. Во время тренировки они оставались в разных концах зала, и тот не подходил к Нару, будто чувствуя себя виноватым. В раздевалке он появился перед Наром с длинным рулоном в руках.

– Это тебе, – сказал он. – Твоя фотография, на всю стену. Потрясающе получилось. У меня дома остались другие фотографии, если хочешь, зайдём.

Нар взял рулон:

– Спасибо за фото, но больше ничего подобного не повторится, – сказал он и подумал, что эту фотографию он честно заработал. Фотограф почему-то не стал настаивать и лишь смотрел на походку удаляющегося Нара.

Придя домой, Нар развернул рулон на полу. По углам он разложил книги, чтоб фотография не сворачивалась, и его взору открылось идеальное тело. Игра светотени на мышцах была сделана так умело, что они выглядели ещё больше и рельефнее, чем на самом деле. Нар поднял фотографию с пола и прикрепил её к стенке. «Надо будет сделать красивую раму», – подумал он, отойдя к противоположной стене и не в силах оторвать восхищённого взгляда. Он изучал каждый участок своего тела на фотографии и не находил ни малейшего изъяна. Он был запечатлён с очень серьёзным выражением лица, которое у него всегда появлялось, лишь стоило ему напрячь мышцы рук или брюшного пресса. Нар считал, что это выражение придаёт лицу вид красивого благородства. Его руки на фотографии были согнуты в локтях и подняты на уровень плеч, одна нога чуть выставлена вперёд – классическая поза культуриста – и един-

ственное, что было необычно: он был не по-спортивно голый. Остановив взгляд на своём детородном органе, Нар вдруг подумал, что и он так же красив, как остальные части его тела. Думая об этом, он почувствовал растущее вожделение к себе. Его рука инстинктивно потянулась к брюкам и расстегнула их. Так, не сводя глаз со своей фотографии, Нар привёл себя к наслаждению, которое потрясло его своей силой. То, что он испытывал к женщинам, не шло ни в какое сравнение. И что больше всего его обрадовало – это восхищение, которое не перестала вызывать у него фотография после его облегчённого вздоха. Ему показалось, что восхищение даже упрочилось. Через несколько минут его желание возродилось вновь, чего тоже не бывало с ним раньше – обыкновенно ему требовалось на это около часа. Нар ликовал, глядя на своё огромное изображение, и то отождествлял его с собой, то видел в нём сказочного полубога. Только теперь он понял, что кроется под словом «любовь». Она наполняла всю его душу великой радостью просветления, которое понималось его телом как нескончаемая страсть. Пожирая глазами своё изображение и пытаясь уже в какой раз выплеснуть свой восторг, Нар вдруг почувствовал острую боль в груди и, не успев даже испугаться за своё тело, рухнул на пол.

Когда обнаружили его тело и непристойную причину его смерти, было решено похоронить Нара как можно быстрее и без шума. Быть может, из-за такого решения на похоронах, кроме несчастных родителей, прилетевших из своего городка, было лишь два официальных представителя из института. Когда на следующий день после похорон родители пришли, чтобы посадить на могиле цветы, они, к своему изумлению, обнаружили, что на ней уже цветёт одинокий белый цветок на длинном стебле.

Пустая почта

To A. S.

Почтальон появлялся около трёх часов. Но уже после завтрака Сэнди садилась напротив окна с книжкой и миской попкорна и ждала. Книга лежала на коленях на случай, если по телевизору окажется неинтересная программа, но обыкновенно передачи увлекали её больше, чем книга. Однако полностью сосредоточиться ей было трудно – слишком сильны были фантазии о том, что может оказаться в сегодняшней почте. Ещё с детства у неё были предчувствия, что почта принесёт ей большую радостную новость. Когда Сэнди была маленькой девочкой, не умеющей читать, у неё замирало сердце от шуршания брошенных почтальоном писем о металлических стенках почтовой щели. Сэнди удивлялась, почему мать не только не торопится взять почту, но, наконец подняв её с пола, кладёт конверты на стол в гостиной и не распечатывает их, пока не кончит свои дела на кухне. «Быть может, в письмах сообщалось о чём-то важном и замечательном», – думала Сэнди. Позже она поняла, что вовсе не обязательно вскрывать конверт, чтобы узнать, что это счёт или непрошенная реклама. Но и для повзрослевшей Сэнди даже самый ненавистный счёт таил в себе некую загадочность и особенное содержание, поскольку присылался по почте. Сэнди вскрывала конверт ножом из слоновой кости, на который она потратила свой недельный заработок в суеверной мечте, что такой красивый и дорогой нож должен магическим способом привлечь счастливую корреспонденцию. Это напоминало жертвоприношение божеству. Она внимательно рассматривала конверт, марку, штемпель с указанным днём отправки, затем вынимала счёт, изучала, от кого он, на какую сумму, за что, каков срок оплаты, есть ли штраф за задержку, и откладывала его в папку с копящимися счетами.

Сэнди уже месяц как не работала. Она разругалась с хозяйкой, забрала все свои инструменты и ушла, хлопнув дверью. Сэнди закончила школу собачьих парикмахеров и еле сдерживалась, когда хозяйка, не имевшая специального образования, делала ей замечания. Наконец Сэнди взорвалась, когда хозяйка стала показывать ей, как нужно подстригать шерсть на ногах у пуделя:

– Стригите сами! И нечего меня поучать! – крикнула ей в лицо Сэнди и оставила хозяйке достригать удивлённую собаку.

За время отдыха у Сэнди зажили руки от собачьих укусов, и кожа исторгла маленькие кусочки шерсти, которые въедались клещами, вызывая зуд и боль.

Сэнди томила своим досугом. Мать с утра уезжала на работу, ворча, что Сэнди опять будет целый день бездельничать. Сэнди старалась промолчать – ведь мать не требовала денег ни за еду, ни за жильё.

Плотно позавтракав, Сэнди убирала дом, заполняя своим большим телом маленькие комнаты. «Что же будет сегодня в почте?» – сладко волновалась она. С месяц назад к ней пришло предложение о подписке от распространителей различных журналов. Одновременно с подпиской происходило участие в лотерее. Сэнди подписалась на «Плэйгёрл» и с трепетом ждала теперь не только первый номер журнала, но и возможный выигрыш. Она планировала, как бы она потратила эти деньги: прежде всего она купила бы машину и сняла бы квартиру в центре города. Теперь ей приходилось ехать около часа на автобусе, чтобы добраться до центра. Впрочем, в последнее время у неё редко появлялось желание куда-нибудь ехать развлекаться. Если она сидела в баре, к ней никто никогда не подходил. Часто она замечала, как косятся на её тучное тело. Две подруги, которые у неё были со времён школы, повыходили замуж, нарожали детей и жили миль за двести в маленьких городках. Так что одной ходить было неловко, и лишь иногда она выбиралась в кино.

Но большое тело Сэнди порождало большие желания, удовлетворить которые жизнь не предоставляла возможности. Свою девственность она с готовностью потеряла в 18 лет с 15-летним неразборчивым мальчиком, и с тех пор судьба улыбалась ей считанные разы, да и улыбки эти были мгновенными и далеко не очаровательными.

В один из дней почта упала на пол тяжелее, чем обычно. Это был долгожданный журнал. Сэнди подпрыгнула от радости, и дом дрогнул от её веса. Она раскрыла вспотевшими пальцами скользкие страницы. О, сколько бы она отдала, чтобы хоть минуту провести с одним из этих мужчин!

Прежде чем уединиться с ними в спальне, она просунула руку в почтовую щель, проверить, не застряло ли там письмо.

Однажды там действительно застряло письмо, и с тех пор Сэнди проверяла несколько раз в день, пуста ли щель, удлиняя таким способом жизнь надежды.

Она заказала по почте приглянувшийся вибратор, который рекламировали в журнале, и стала ждать получения посылки трепетно, как свидания. А пока она привычно заманивала наслаждения пальцем.

Однажды утром, натягивая на себя джинсы, Сэнди не смогла застегнуть молнию – они стали невыносимо малы. Сэнди обрадовалась, что теперь у неё есть предлог, чтобы погулять по торговому центру и купить новые джинсы. Она любила уходить из дома, чтобы отвлечься от ожидания почты и чтобы ко времени возвращения домой почта уже лежала в ожидании её.

Однако купить джинсы не удалось – не оказалось достаточно большого размера, и нужно было ехать в специальный магазин, где продают одежду только больших размеров. Но этот магазин находился на другом конце города, так что Сэнди решила вернуться домой – почта должна была уже прийти к её возвращению. Сэнди вспомнила своё ощущение, когда несколько лет назад она уезжала на неделю в отпуск. И всё одинокое время отпуска украшалось предвкушением разбора недельной почты. «В шесть раз больше писем», – подсчитывала Сэнди, невидящим взглядом смотря в раскрытую книгу. Сколько радости и надежды вскрывать один конверт и видеть, как другие в стопке поджидают тебя, – у неё было такое ощущение, будто мир со всеми неисчерпаемыми и непредвидимыми возможностями проскользнул в отверстие почтовой щели.

Дома её ждала посылка с вибратором. Она набросилась на него, и начался её медовый месяц. Но потом холодная механическая исполнительность ей приелась, и Сэнди пользовалась его услугами с удовольствием, но без трепета. И только фотографии из «Плэйгёрл» придавали её ощущениям романтическую окраску. Потом на неё находила меланхолия от одиноко проходящей жизни, и она плакала навзрыд – тише у неё не получалось. Сэнди догадывалась, что, будь она не такой толстой, жизнь её значительно изменилась бы: она бы стала привлекать мужчин, так как лицо её было хорошеньким. У Сэнди скопилась целая библиотечка книг по всевозможным диетам, и она с увлечением следовала очередной из них в течение недели. По несколько раз в день Сэнди взгромождалась на весы и следила за стрелкой, которая еле удерживалась, чтобы не зашкалить. Однако ей никогда не удавалось сбросить вес более чем на 10 фунтов, после чего она уставала от диеты и набрасывалась на еду с новыми силами. Причём оказывалось, что после каждой диеты она набирала вес ещё больший. Однажды она обратилась в специальную клинику для похудения. Её посадили на диету, и Сэнди должна была каждый день ездить в клинику взвешиваться. Условия были такими, что, если она не укладывалась в рассчитанную шкалу уменьшения веса, Сэнди должна была платить штраф. Получалось так, что каждый раз ей приходилось выкладывать деньги. Поэтому, заплатив несколько раз штраф, она предпочла больше денег не тратить.

Больше всего Сэнди не любила воскресенье, так как в этот день не было почты. Да ещё мать сидела дома, поэтому Сэнди уходила в близлежащий торговый центр и глазела на витрины и на мужчин, проходящих мимо. Сквозь облегающие джинсы легко угадывался пол, и Сэнди не могла оторвать взгляда от мужских разнообразных бёдер. «А что, если подойти к кому-нибудь, – мечтала она, – и сказать: давайте проведём вместе ночь, – или: – давай переспим, – или...» Но Сэнди знала, что у неё никогда не хватит духу это сделать.

Однажды она увидела по телевизору рекламу о компьютерном бюро знакомств. Сэнди отправила запрос и в один из дней получила по почте анкету. Это был для неё поистине праздничный день, открывший время надежд. Сэнди несколько раз перечитала анкету и в графе «отношение к сексу» поставила крестик на «очень либеральное». В остальные графы она не помнила, что вписала. Сэнди отправила анкету и деньги, и ей стали ежемесячно приходить списки мужчин с именами, адресами и телефонами. Звонить самой ей было неловко, но этого, как оказалось, и не требовалось – телефон стал звонить вечерами почти не переставая. Мать подозрительно смотрела на Сэнди, забиравшую телефон в свою спальню, и спрашивала Сэнди, когда та, возбуждённая от разговора, возвращалась в гостиную:

– Кто это звонил?

– Не твоё дело, – отвечала Сэнди.

– Нет, это моё дело. Вот когда будешь зарабатывать деньги и жить отдельно, тогда мне будет наплевать.

– А тебе и сейчас наплевать!

– Нет, не наплевать – вот занесёшь в дом ещё какую заразу. Кто это звонил!?

– Знакомый, – уступала Сэнди, не желая злить мать, так как чувствовала свою финансовую зависимость. Но Сэнди не хотела рассказывать, откуда она взяла столько знакомых, ей было стыдно своей беспомощности. Поэтому каждый раз она придумывала, что звонит один и тот же знакомый, чтобы не вызвать подозрения их обилием. Но материнских подозрений было и так предостаточно, так что Сэнди не раз с ненавистью смотрела на мать, смущаясь и наслаждаясь этим чувством.

Большинство мужчин спрашивали, сколько она весит, и, когда она называла вес, не проявляли желания встретиться.

Тогда она перестала называть свой вес, а просто говорила, что она полная. Таким образом, ей удалось встретиться с тремя, которые постарались сократить встречу до минимума, после того как увидели её. Один раз ей позвонил парень и, почти ни о чём не спрашивая, при-

гласил на обед. Он сказал, что заедет за ней. Сэнди кокетливо уложила свои густые чёрные волосы, надела платье с блёстками. Лицо своё она укрыла многослойными цветами косметики. Но никто не появился. Ехидный вопрос матери: для кого это она так разрядилась – дал выход её слезам, которые не принесли облегчения. Сэнди изучила себя и знала, что только оргазм может ослабить любое напряжение, будь то гнев, тоска или тревога. Поэтому она пользовалась вибратором не только чтоб притушить похоть, но и в терапевтических целях. Она заперлась у себя в спальне, и дрожь вибратора прекратила дрожь её тела.

Когда ей в очередной раз позвонил новый голос и договорился о встрече, Сэнди уже представляла, чем это может кончиться, и решила встретиться в баре, чтобы, во-первых, мать не оказалась бы свидетельницей ещё одного фиаско, если этот парень не придёт, и, во-вторых, чтобы хоть послушать музыку, после того как парень, увидев Сэнди, скажет, что ему срочно нужно куда-то уходить. Парень назвался Биллом и сказал, что будет в кожаной куртке. Сэнди сказала, что у неё коричневые глаза и чёрные волосы и что на кофточке у неё будет фарфоровая брошка, изображающая конверт.

Сэнди просидела за столиком в баре минут двадцать, наблюдая за тремя парнями, один из которых был в чёрной кожаной куртке. Она сосала свой коктейль и думала, Билл ли это и решится ли он подойти к ней. Парни пили пиво и громко смеялись. Сэнди заметила, что они поглядывают на неё. Она была уверена, что они смеются над её толщиной, и Сэнди было стыдно, будто она голая. То внимание, которое привлекало её толстое тело, всегда вызывало у Сэнди ощущение обнажённости. И ей пришла в голову мысль, что красивая женщина, на которую все смотрят, тоже должна себя чувствовать, будто она голая. То есть равноценное по силе внимание обыкновенная женщина могла бы привлечь, только если бы она действительно появилась голой в общественном месте. А уродство и красота нейтрализуют одежду. Эти мысли отвлекли её, и она не заметила, как перед ней оказались трое, среди которых был парень в кожаной куртке. Он сказал под гогот остальных:

– Эй, милашка, давай заниматься штангой вместе.

– Какой штангой? – не поняла задрожавшая Сэнди. – Ты Билл?

Через секунду до Сэнди дошла шутка, и девушка снисходительно улыбнулась. Билл отхлебнул из кружки, заливая смех пивом, и сказал:

– А ты Сэнди.

Сэнди кивнула.

– Хочешь с нами прокатиться на машине? – спросил Билл.

– Можно, – согласилась Сэнди, удивлённая продолжением знакомства. Билл шепнул что-то своим приятелям, и они опять засмеялись. Сэнди почувствовала сыромятный запах кожи, который шёл от куртки Билла.

– Пошли, – сказал Билл, и Сэнди поспешно допила свой коктейль.

Когда она поднялась, приятели Билла опять загоготали, увидев тучность Сэнди во всей её красе.

– Езжай сам, – услышала Сэнди, как один из приятелей сказал Биллу, когда они подошли к машине.

– А вы что? – удивился Билл.

– А мы тебя здесь подождём, – сказал другой приятель. – Смотри не потеряй голову, – давясь от смеха, добавил он.

Сэнди покорно села в дряхлую машину.

– Ты где живёшь-то? – спросил Билл, когда они отъехали от бара. Сэнди назвала адрес. Билл молчал, и Сэнди ждала, что же будет дальше. Потом она не выдержала и спросила:

– Куда мы едем?

– К тебе.

– Ко мне нельзя, я живу с матерью, – спокойно сказала Сэнди.

– О чёрт, ко мне тоже нельзя. Чего же ты сразу не сказала? – раздражённо бросил Билл.

– А ты не спрашивал, – удивилась Сэнди и робко предложила: – Мы можем в мотеле остановиться.

– Ты что, смеёшься? Может, у тебя деньги есть?

– Нет, – сказала Сэнди и пожалела, что у неё нет этих проклятых двадцати долларов, из-за которых срывается приключение.

Они подъехали к дому Сэнди.

– Мать уже спит, – сказала Сэнди, увидев тёмные окна. Мимо проезжали машины, освещая фарами напряжённое лицо Билла и накрашенные губы Сэнди.

«Даже поцеловать не пытается», – привычно констатировала она. В этот момент Билл положил руку ей на плечо, а другой расстегнул молнию на джинсах. Сэнди с радостью раскрыла рот. «Хоть так», – подумала она, с жадностью вдыхая уже ставший забываться запах. Наконец Билл оттолкнул её голову и застегнул молнию.

– У тебя это хорошо получается, – сказал Билл и добавил: – Ну, мне пора.

Сэнди молча вышла из машины и направилась к дому. Она слышала, как Билл, не дожидаясь, пока она откроет дверь, завёл машину и, громко газанув, уехал. Войдя в дом, она залезла рукой в почтовую щель, проверяя, не застряло ли там что-либо из почты, которую она сегодня уже вынимала. Но щель была пуста.

Как-то почта ей принесла программу курсов, предлагаемых в городском культурном центре. Ей бросилось в глаза объявление о курсах по обучению танцам живота. Сэнди подумала, что это было бы прекрасным применением её обширному животу. Курсы были недорогие и начинались через месяц. Сэнди записалась и стала мечтать, как она сможет привлекать мужчин своим искусством. Перед глазами стояли кадры из какого-то фильма, где «животная» танцовщица вызывала восторженные вопли мужского зрительного зала. Но чем ближе подходил день начала занятий, тем больше понимала Сэнди, что на неё нашло какое-то затмение – ну, кому и где она сможет продемонстрировать своё умение, да и не вызовет ли она отвращение своим животом вместо вожделенного желания. И в конце концов её обуял обыкновенный стыд показать своё тело.

Так что Сэнди решила потратить деньги, отложенные на курсы, на что-нибудь другое и купила себе красный шёлковый халат. Хоть полы его еле сходились на ней, Сэнди удавалось очертить талию, затянув пояс.

В один из дней Сэнди, как всегда, сидела у окна, поджидая почтальона. Он появился неожиданно и, поднимаясь по лестнице к двери, споткнулся и чуть не упал. Тут Сэнди впервые пришло в голову, что почтальон – мужчина, а не существо, разносящее почту. Он был бородат и с обширной лысиной, хотя ему было не больше сорока.

В почте были рекламы, и Сэнди подумала, что единственно, кто думает о ней, это те, кто хочет ей что-либо продать.

Была ещё открытка от подруги, которая сообщала, что она опять беременна. Сэнди представила её вздувшийся живот и сразу вспомнила лысину почтальона.

«А что, если с ним заговорить? – стала фантазировать Сэнди. – Нет, я не успею – он бросает письма и сразу уходит. Интересно, женат он или нет? А что, если пригласить его в дом? Нет, он откажется, небось торопится разнести все письма, чтобы скорей – к жене и деткам». Черт лица Сэнди не разглядела под густой бородой и гадала, обрезанный он или нет.

На следующий день она ждала почту с ещё большим нетерпением. Ко времени, когда он должен был появиться, Сэнди подкрасила глаза и губы, вышла во дворик со складным стулом и уселась с раскрытой книгой.

Подъехал почтальон на своём джипе и стал возиться, сортируя почту. Наконец он вывалился из машины с тяжёлой сумкой и, не глядя на Сэнди, стал подниматься к её дверям. «Добрый день», – крикнула она ему. «Добрый день», – буркнул он и зашагал к соседнему дому. У

Сэнди было ощущение, будто она пришла на свидание, но никто не явился. И тут у неё мгновенно возник в голове план, будто она давным-давно подготавливала его, но скрывала от самой себя, дожидаясь, пока он станет совершенным и готовым для воплощения в жизнь.

На следующий день Сэнди утром пошла на почту и послала себе заказное письмо, вложив туда листок чистой бумаги. Ей сказали, что письмо может быть доставлено в тот же день. Придя домой, Сэнди устроила себе ранний обильный ленч, потом пошла в ванную и стала приводить себя в порядок – косметика сделала её лицо ярким. Потом Сэнди вспомнила, что надо почистить зубы. Она старалась не задеть помаду, но всё равно губы пришлось перекрасить. Она смотрела на себя в зеркало и видела не лицо, а лишь свои горячие глаза. Затем Сэнди покрыла ногти ярким лаком и с трудом сделала педикюр – очень мешал живот. Потом она подмылась, злясь на себя, что с этого надо было начинать, и тут же иронически говоря себе, что всё равно это ей не понадобится. Наконец она надела на голое тело свой новый красный халат и затянула покрепче пояс. Но полы халата она оставила полураспахнутыми, так, чтоб её огромная грудь ясно просматривалась. Сэнди села к окну и потянулась было за картофельными чипсами, но нашла в себе силы остановиться, чтобы не стереть помаду. Потом ещё одна идея сверкнула в её голове, и опять Сэнди удивилась, откуда она могла к ней явиться, – Сэнди стала играть пальцами со своими сосками, и они сразу зашевелились и стали чётко вырисовываться на шёлке халата.

И вот Сэнди увидела идущего по двору почтальона, который направлялся к её двери. Сэнди оцепенела в ожидании звонка. Всё ещё не веря своим ушам, Сэнди услышала его слабый звук и открыла дверь – перед ней стоял бородатый почтальон, держа в руке конверт.

– Вам заказное письмо, – сказал он мрачно.

– Заходите, пожалуйста, – произнесла Сэнди и подумала, что соски её, наверно, обмякли со страха, – ощущала она только колотящееся сердце.

Лысый почтальон переступил порог и протянул Сэнди квитанцию, на которой надо было расписаться. Беря из его руки квитанцию, Сэнди увидела его острый взгляд, но выражение лица было скрыто бородой. Она приложила квитанцию к стенке и расписалась. Поднятые руки высвободили её грудь ещё больше. Расписавшись, она протянула квитанцию почтальону, а он, передавая ей в обмен письмо, придержал его в своих руках. Сэнди удивлённо вскинула на почтальона глаза, и их взгляды совокупились.

– Очень хорошо наложена косметика, – произнёс почтальон, и в глубине бороды шевельнулась улыбка, так и не показавшая зубов.

– Спасибо, – в счастливом предчувствии сказала Сэнди.

– Ты дома одна? – спросил он и захлопнул за собой дверь ногой. Сэнди улыбнулась ему и кивнула головой. Он протянул руку и коснулся её груди. Почувствовав, что его рука уместна, он положил сумку с почтой на пол и сгрёб Сэнди в охапку. Борода кололась, как собачья шерсть. Сэнди высвободила губы и прошептала: «Пойдём в спальню». Однако, не расцепляя объятий, они повалились на ковёр в гостиной, не дойдя до спальни. Почтальон явно спешил – он только приспустил брюки. Сэнди же чувствовала себя победительницей, выталкивая языком изо рта его волосы и стараясь добраться до языка. Натянуть брюки заняло у него ещё меньше времени. «Он так торопится, – подумала Сэнди, – будто он работает не на обыкновенной доставке, а на срочной». Когда он ушёл, Сэнди вспомнила, что они даже не спросили имени друг друга. Она включила вибратор, но на этот раз не раскрыла «Плэйгёрл» – ей хватало свежих воспоминаний и живого запаха.

На следующий день, поджидая почтальона, она боялась, что он не захочет её, и все фантазии о том, как она без первой суматохи просмакует каждое движение, пойдут насмарку.

Сэнди особенно ясно прочувствовала, как прекрасно-тревожно жить ожиданием события, которое желаешь: это ожидание так заполняет твою жизнь, что всё прочее становится незаметным.

Вчера, когда мать пришла с работы и стала ворчать, что Сэнди сидит все дни дома и не ищет работу, Сэнди ничего не ответила, а днём раньше, перед приключением с почтальоном, из-за того же замечания матери разгорелся спор, который, даже утихнув, продолжал тлеть весь вечер. Мать плакала, кляня судьбу, отнявшую у неё мужа и наградившую её такой никчёмной дочерью. Сэнди зло огрызнулась, запихивая в рот какую-то еду.

Теперь Сэнди приоткрыла дверь, чтобы облегчить решение для почтальона, если он заколеблется. Рисковать она не могла себе позволить, и Сэнди маячила у полураскрытой двери в своём огненном халате. Почтальон появился, и она раскрыла дверь шире, так что он не мог уже не заметить её. Он бросил письма в щель, и глаза их встретились.

– Хэлло, – позвала его Сэнди.

Почтальон не ответил, но вошёл в дверь.

«Теперь у нас много времени, – подумала она, – не надо расписываться в квитанции, не надо ждать, пока он решится ко мне прикоснуться». И действительно, почтальон прямо с порога схватил её за грудь.

– Как тебя зовут-то? – спросила Сэнди, улыбаясь его быстроте.

– Грег, – ответил он нехотя.

– А я – Сэнди.

– Ты что, всегда одна дома сидишь?

– Почти всегда. А ты совсем раздёнсья.

– Нет, не могу, – отказался Грег, – мне спешить надо.

И он спешил, да ещё как. Но Сэнди не роптала – она уже давно призналась себе, что ей выбирать не приходится и нужно быть довольной тем, что посылает судьба.

– Хочешь встретиться вечером? – осмелилась предложить Сэнди, когда почтальон взялся за ручку двери.

Он оглянулся, посмотрел на неё как на зарвавшуюся нахалку и сказал:

– У меня жена и дети, да и как тебе могло такое в голову прийти?

Сэнди испугалась, что это может оттолкнуть его, и покорно пояснила:

– Да ты не подумай чего, я как для тебя лучше хотела, а мне так тоже хорошо.

– Ну, пока, – ухмыльнулся Грег.

Сэнди хотела сказать «До завтра», но вовремя сдержалась и сказала: «До свиданья».

Теперь Сэнди была небывало счастлива. Грег заходил почти каждый день, и эта регулярность была для неё чудом. В субботу мать обычно уезжала к своей незамужней подруге, и оставалось только воскресенье, которое Сэнди возненавидела ещё больше.

Однажды Сэнди наткнулась на статью в газете, в которой обсуждалась возможность перехода почты на два выходных – субботу и воскресенье. Это так взбесило Сэнди, что она написала гневные письма в почтовое управление и в газету. Ожидание ответов на эти письма составляло особое время в её жизни, когда жажда получения письма смешана со страхом перед его содержанием. Вскоре это волнение улеглось, так как она разуверилась, что ей ответят. Но больше ей не встречались упоминания о посягательстве на один из дней надежды и любви, да и Грег успокоил её, что до такой радости – быть выходным по субботам – ему не дожить.

Как ни старалась Сэнди затянуть пребывание Грега, оно не длилось дольше минут десяти. Она знала, что и эти минуты ей удаётся получить только из-за своей доступности и удобства. Да и все предыдущие краткие связи происходили по тем же причинам. Никто не приглашал её на люди – появиться с ней было стыдно. И только её искренняя готовность к совокуплению склоняла некоторых мужчин, заметивших это в её огромной непривлекательной плоти. Сэнди часто мечтала о муже как гарантии постоянного мужчины, для которого она бы готовила еду и о котором она бы всячески заботилась, чтобы он каждую ночь заполнял её собой. Перспектива иметь детей казалась ей ужасной – дети её подруг раздражали её постоянной демонстрацией

своего присутствия, которое явно отвлекает внимание мужчин, и без того столь быстро ослабевавшее к Сэнди.

Несмотря на то, что Грег заходил к ней уже более месяца, Сэнди всё не успевала рассмотреть его – так наслаждалась каждой минутой, что, когда Грег отстранялся, Сэнди ещё находилась в иных мирах и приходила в себя полностью после того, как за ним закрывалась дверь. Потом она принималась за почту, которую Грег, входя, клал на столик в прихожей. Теперь конверты имели особый смысл – их приносил Грег. Сэнди даже нюхала их, перед тем как вскрыть, чувствуя запах Грега. Но этот запах стоял в гостиной повсюду, и Сэнди даже опасалась, что мать, придя с работы, сможет унюхать его. Но мать ничего не замечала.

В один из дней Грег, натянув брюки, не отправился тотчас к двери, а потряс Сэнди за плечо, приводя её в себя, и спросил:

– Хочешь сегодня пойти со мной на вечеринку?

Сэнди обомлела от неожиданности и вдруг заметила, что усы и борода вокруг его рта мокрые от её поцелуев.

– Конечно, хочу, – оживилась Сэнди. – А как же твоя жена?

– Это не твоё дело, – резко сказал Грег. – Я заеду за тобой около восьми.

– А как мне одеться? – поинтересовалась Сэнди.

Грег смерил её взглядом, в котором ясно просматривалось безразличие.

– Как хочешь, – бросил он и ушёл.

Сэнди сидела на полу ошеломлённая, с расстёгнутым халатом и почувствовала, что она течёт на ковёр. Сэнди спохватилась и побежала в ванную за губкой, чтобы его вытереть. Сэнди не подмывалась после ухода Грега, чтобы подольше сохранять его запах и ощущение его присутствия, и только на следующее утро она принимала ванну, предвкушая его скорое появление. На этот раз она подмылась, теряясь в догадках, что же может означать приглашение Грега. О, это была огромная область для предположений, каждое из которых казалось правдоподобным и фантастичным одновременно: «Может, он поссорился с женой и хочет провести вечер со мной, но тогда зачем идти на люди, когда можно было бы побыть вдвоём больше, чем десять минут. А может, он стал что-то чувствовать ко мне и хочет показать, что ему интересно взять меня с собой к своим друзьям. Конечно, раз он не стесняется меня показать своим друзьям, значит, он заинтересован не только в сексе. А вдруг он пошутил и не придёт или просто передумает? Нет, он ведь сам предложил и, наверно, всё взвесил, прежде чем предлагать мне пойти с ним».

Непрерывная череда подобных размышлений заполняла голову Сэнди, пока она готовилась к вечеру.

– Это ты куда собралась? – спросила мать, посмотрев на Сэнди, которая вышла из ванны с ярким лицом и в платье с блёстками.

– На свиданье, – с удовольствием ответила Сэнди. Что бы она ни надела, всё сидело на ней в обтяжку, и казалось, вот-вот лопнет по швам. Вообще-то говоря, она умышленно покупала всё в обтяжку, считая, что так она будет выглядеть менее толстой. Но, как бы то ни было, чтобы войти в дверь, ей приходилось поворачиваться боком.

– С кем же это у тебя свидание? – недоверчиво спросила мать, звучно ставя чайник на плиту.

– Ты его не знаешь, – бросила Сэнди и уселась у телевизора. Через десять минут наступало восемь часов, и её волнение усиливалось.

– Небось, не явится, – ухмыльнулась мать.

– А тебе-то какое дело? – взорвалась Сэнди. – Бесишься, что на тебя уже никто никогда не посмотрит?

– Замуж надо выходить, а не бегать там с разными, – нудно выступила мать.

– А ты мне жениха-то нашла?

- Самой искать надо.
- Вот я и ищу, тебя не спросясь.
- Не там ищешь.
- А ты что, адреса знаешь?
- Никакого из тебя толку не будет, – заключила мать и ушла к себе в спальню.

«Опять будет рыться в шкафу», – зло подумала Сэнди и действительно услышала, как мать открыла дверцу стенового шкафа.

У матери вошло в привычку перебирать вещи рано умершего мужа. Она хранила их все, не продавая и не выбрасывая ничего, более двадцати лет. Она снимала вещи с вешалок и раскладывала на кровати, вспоминая день, когда муж надевал тот или иной костюм, и что они делали в тот день. И хоть прошло так много лет, вещи хранили запах мужа. И особенно шляпы – потемневшие шелковые подкладки пахли его запахом, смешанным с запахом его любимого одеколona. Сэнди знала, что мать сидела над вещами и плакала. Это то раздражало Сэнди, то вызывало липкую жалость. Сэнди совершенно не помнила отца и знала только, что он оставил достаточно денег, чтобы выплатить за дом.

Сэнди услышала, как у дома остановилась машина. Она подбежала к окну. В машине сидел Грег. В лучах заходящего солнца было особенно заметно, как грязна машина. Сэнди ужасно хотелось, чтобы Грег вошел в дом и чтобы можно было представить его матери – он ведь выглядел вполне прилично. Но Грег сидел в машине, явно не желая выходить. Он нетерпеливо гуднул два раза. Сэнди вышла на улицу, зная, что мать смотрит из окна своей спальни. Сэнди осторожно спускалась по ступеням в туфлях на высоких каблуках, которые она последний раз надевала два года назад, когда шла на вечер встречи в свою бывшую школу. Грег открыл ей дверь изнутри, и она уселась рядом с ним. Он посмотрел на её платье и туфли и хмыкнул. Сэнди в свою очередь оглядела его «непочтовую» одежду – джинсы и рубашку; его волосатая грудь заставила Сэнди издать утробный звук восторга.

- Что это с тобой? – удивился Грег.
- Обожаю волосатую грудь, – хихикнула Сэнди.
- Скоро насмотришься, – сказал Грег, выезжая на автостраду и набирая скорость.
- Это где же?
- На вечеринке. Кстати, это не обычная вечеринка, там все будут голые.
- Зачем? – спросила Сэнди и тут же поняла, что вопрос – дурацкий.
- А ты догадайся, – засмеялся Грег. Сэнди впервые видела его смеющимся. С правой стороны у него не хватало одного верхнего зуба.
- А почему ты не сказал мне заранее, что это за вечеринка? – спросила Сэнди.
- Хотел сделать тебе сюрприз. Ты разве ещё не устала от меня? Там будут красивые ребята.

Сэнди вспомнила фотографии из «Плэйгёрл», и надежда на прикосновение красивого тела шевельнулась в ней.

- Но ты будешь там со мной тоже? – спросила Сэнди.
- Куда же я денусь? – заверил Грег.
- А почему ты не взял свою жену вместо меня?
- Ей этого не полагается, – объяснил Грег.
- А может быть, ей бы понравилось, – ехидно предположила Сэнди и узнала в себе интонации своей матери.
- Эй, не лезь не в своё дело, – зло сверкнул глазами Грег.
- «А глаза-то у него совсем малюсенькие», – заметила про себя Сэнди.
- А почему ты не поехал один? – спросила Сэнди.
- Эта вечеринка только для пар, – сказал Грег.

«Ах, вот оно что, – осенило Сэнди, – значит, он берёт меня с собой как пропуск, а я ему иначе и не понадобилась бы вообще». От этой мысли ей стало так грустно, как уже давно не было.

– Я не хочу туда ехать. Отвези меня домой, – твёрдо заявила Сэнди.

И тут Грег, словно почуял, каким способом нужно уговорить Сэнди. Он обнял её за плечо, притянул нежно к себе и, не спуская глаз с дороги, поцеловал её в голову.

– Ты знаешь, мне ведь очень хорошо с тобой, – сказал он.

Сэнди вздрогнула – ещё никто так нежно не целовал её и не говорил таких слов – на глаза навернулись слёзы. Она вытащила платок из кармана и промокнула глаза.

– Ну почему мы не можем побыть где-нибудь вдвоём хотя бы час? – всхлипнула Сэнди, размякая.

– Обязательно побудем, детка, но сегодня давай уж поедem на вечеринку. Тебе понравится, вот увидишь.

– Но ты обещаешь, что мы побудем потом вдвоём?

– Обещаю, детка, – сказал Грег и положил руку ей на ляжку.

Сэнди было не по себе – она очень редко бывала на вечеринках, и это были вечеринки либо с родственниками, либо со старыми, ещё школьными знакомыми. А тут – все незнакомые, да ещё голые. Впрочем, чужая, да ещё мужская нагота её не смущала – она стыдилась своей наготы, своего толстого тела, вернее, её удручал факт, что мужчины не интересуются ее телом, а само по себе тело – что ж, ей было в нём вполне удобно.

Они подъехали к большому двухэтажному дому. Окна были зашторены. Идя по дорожке к дому, Сэнди чуть не подвернула ногу из-за своих каблучков. Она рассердилась, сняла туфли и понесла их в руке. Дверь была не заперта, и Грег вошёл в дом, а за ним и Сэнди. Со второго этажа доносилась музыка. К ним навстречу уже спускался по лестнице хозяин дома. Это был высокий стройный парень в очках и с пренебрежительной ухмылкой на губах. Две вертикальные морщины ставили его рот в скобки.

– Привет, Грег, как зовут твою красавицу?

Сэнди в первый момент оскорбилась, а потом уговорила себя, что, может быть, она ему понравилась и он назвал её красавицей серьёзно – есть же мужчины, которые обожают толстых женщин.

– Это Сэнди, – вяло представил её Грег.

– А я Джордж, – сказал хозяин, всё ещё возвышаясь над ней на ступеньках лестницы. – Добро пожаловать во Дворец Наслаждений. Поднимайтесь наверх, там уже все собрались и смотрят видео.

Сэнди стала подниматься, и лестница под ней заскрипела.

– Поднимайся быстрее, – сказал ей вслед Джордж, – а то лестница может обвалиться.

Сэнди приняла эту шутку всерьёз, заторопилась и услышала, как Грег и Джордж засмеялись. Сэнди поднялась на второй этаж и посмотрела вниз, почему Грег задержался. Она увидела, что Грег отсчитывает Джорджу деньги, а тот что-то говорит ему. Она прислушалась.

– ...всех ребят распугает. Мы же договаривались – только смазливых девочек.

– Вкусы разные бывают, – пытался отшутиться Грег.

– Послушай, здесь идиотов нет. В следующий раз с такой вовсе не приходи.

– Ладно, ладно, – примирительно согласился Грег, и они стали подниматься наверх.

Сэнди стояла с колотящимся сердцем, делая вид, что она ничего не слышала. По сути говоря, она ничего нового не услышала, просто судьба почему-то старалась лишить её приятных иллюзий.

– Не стесняйся, входи, – сказал Джордж, открывая перед Сэнди дверь, за которой слышалась музыка и стоны.

Сэнди очутилась в комнате, где у дальней стены стоял видеомагнитофон с большим экраном. На экране в самом разгаре происходило совокупление. Сэнди всего два раза была в порнокинотеатре, куда её водили случайные мужчины, не осмеливаясь сразу вести в постель. Последний раз это было года два назад, поэтому Сэнди уставилась на экран, чувствуя быстрое появление готовности принять участие в подобном действе.

Наконец она заметила слева и справа от себя пять-шесть пар, сидящих на ковре. Все были стройные – это сразу бросилось Сэнди в глаза. Большинство были раздеты, а полураздетые не отставали от них в активности. Кое-кто поднял на вошедших голову, но сразу вернулся к прерванным занятиям. Грег быстро разделся, сложив вещи в углу, и кивнул ободряюще Сэнди. Одна пара разомкнулась и вышла в дверь, ведущую в другую комнату. Сэнди щёлкнула замком лифчика, и её груди выплеснулись на простор. С раздеванием же она решила повременить, пока в этом не появится необходимость. Грег сказал, что он сейчас вернётся, и вышел. «Наверно, в туалет», – подумала Сэнди. Она полулежала у стены и смотрела, как пары менялись партнёрами, объединялись в живописные группы. Сэнди хотела подойти поближе, надеясь, что ей предложат присоединиться, но у неё не хватало духа сделать первый шаг. Вернулась пара, которая выходила из комнаты. Мужчина прошёл мимо Сэнди, даже не взглянув на неё, и объединился с другой парой, а его партнёрша стала целовать женщину, над которой трудился мускулистый молодой человек. Сэнди заворожённо смотрела на зрелище перед собой и чувствовала, как в ней горит нутро. Она заметила, что Грег вошёл в комнату с какой-то женщиной, держа руку на её зад. «Он никогда так не держал меня», – ревниво подумала Сэнди и огляделась в надежде увидеть незанятого мужчину. Один мужчина как раз отделился от скопления тел и направился к Сэнди. А Грег тем временем поблескивал лысиной, вызывая чьи-то стоны. Мужчина уселся рядом с ней на ковёр. «Привет», – без воодушевления сказал он. Сэнди молчала, напрягаясь от его равнодушия к ней. Но с какой жадностью она бы бросилась на него, если бы он хоть к ней прикоснулся – он был копией фотографий из «Плэйгёрл».

– Красивая картинка, не правда ли? – сказал он, указывая на композицию, которую создали две пары посередине комнаты. Ему просто хотелось поговорить.

– Ничего, – выдавила из себя Сэнди.

– Нет, я с вами не согласен, я считаю, что очень даже чего, – с ироническим глубокомыслием произнёс он и добавил: – Надо им помочь.

Он поднялся и гармонично вписался в группу.

«Даже не захотел до меня дотронуться», – подумала Сэнди, и слёзы потекли у неё по лицу, размывая результаты часового труда перед зеркалом.

Сэнди чувствовала, будто её оскорбили, надругались над ней. Она подумала, что, наверно, подобное чувство испытывает изнасилованная женщина. От этой мысли она всхлипнула и, застёгивая на спине лифчик, услышала, как треснуло её платье по шву. Сэнди нащупала свои туфли и быстро спустилась по скрипящей лестнице.

Никто не заметил её ухода, и последнее, что она услышала, выходя из дома, – это торжествующий стон какой-то женщины, добившейся своего. На улице было совсем темно.

И вдруг она ясно вспомнила картину «Лукреция». Она видела её в музее, когда ещё в школе их водили на экскурсию. И опять вспыхнула непостижимость причины самоубийства. Сэнди часто представляла, что её насилюют, и эта фантазия удручала её только тем, что не может сбыться. Сэнди шла по улице, испытывая полную безнадёжность. Даже мысль о завтрашней почте не приносила ей никакого успокоения, так как она ощутила отвращение к Грегу, а он теперь неразрывно связывался с мыслями о почте. Сэнди испугалась, что её отрадные надежды на почту больше не будут с нею. А почтовая надежда была прекрасна тем, что, будучи разрушенной, она мгновенно восстанавливалась. Происходило ежедневное возрождение надежды, и это было удобно, так как оно обуславливалось не усилиями со стороны Сэнди, а всего лишь

почтовым ритмом. Теперь вторжение Грегa в безличную почтовую поставку ставило под угрозу автоматизм возрождения надежды.

Сэнди пыталась остановить машину, но никто не останавливался. Всё-таки одна машина замедлила скорость, но сидевший в машине мужчина разглядел её и проехал мимо, не останавливаясь. Сэнди опять заплакала.

Наконец какая-то машина остановилась. На переднем сиденье рядом с водителем сидела красивая девушка.

– Вам куда? – перегибаясь через девушку, спросил мужчина, который был ей под стать.

Сэнди назвала адрес. «Спят вместе», – сразу подумала она, заметив, как мужчина уверенно держал руку на колене своей спутницы.

– Садитесь, нам по пути, – сказал он и открыл ей изнутри заднюю дверь.

Сэнди сидела и смотрела на ухоженные волосы мужчины и вдруг чётко вспомнила баночку с таблетками для сна, которые часто принимала мать. И Сэнди оказалась перед решением, принятым помимо её воли. Конечно же, этой баночки должно хватить. Так легко покончить с этим толстым телом. У Сэнди просто появилось желание избавиться от бесполезной плоти, и страха смерти не было, только острое любопытство. Думая об этом, Сэнди удивлялась, что умудряется отвечать на вежливые вопросы парочки впереди, но что это никак не отвлекает её от всё более глубокого погружения в бездну принятого решения.

Сэнди подсказала мужчине несколько последних поворотов, что оставались до её дома. Было поздно, но в гостиной и в спальне матери горел свет. Обыкновенно мать всегда тушила свет на ночь, экономя каждый цент. Сэнди подумала о ней с неприязнью – своим бодрствованием мать может помешать. Входная дверь оказалась незапертой. Войдя в гостиную, Сэнди замерла, поражённая увиденным – за столом сидела мать, одетая в один из костюмов отца, в отцовской шляпе и в галстукe, повязанном вокруг голой шеи. Мать сидела неподвижно и смотрела перед собой. На лице кривилась улыбка.

– Мама, что с тобой? – выкрикнула Сэнди.

Мать не шелохнулась и не отвела взгляда от того, что ей так приглянулось.

Сэнди осторожно подошла к ней и потрясла за плечо. Тело матери было напряжено и стойко сопротивлялось руке Сэнди.

Сэнди бросилась к телефону, стала набирать номер полиции 911, набрала 9 и стала искать на циферблате 11. Она никак не могла понять, почему она не может найти эту цифру. Потом она вспомнила, что надо позвонить оператору. Разъединила, дождалась гудка и набрала 0. Обычные несколько секунд задержки перед соединением оказались невыносимыми, и она снова разъединила и неожиданно для себя набрала с ходу 911. А мать всё не шевелилась. Сэнди с трудом объяснила, что это не ранение, не сердечный приступ и не удушье, и не кровотечение. «Что же это?» – спросили в трубке.

– Она сошла с ума! – крикнула Сэнди и разрыдалась.

Полицейский вбежал в дом, за ним санитары. Они попытались говорить с матерью, но быстро поняли, что тут не до разговоров. Поднять её со стула на ноги не удалось, так как она словно окаменела в сидячем положении. Когда санитары брали её на руки, шляпа упала с её головы, покатилась к ногам Сэнди и улеглась у её ног, как собака. Мать вынесли на улицу, где стоял медицинский фургон с распахнутыми дверями и полицейская машина.

– Вы можете поехать с нами в больницу, – предложил полицейский.

Сэнди отрицательно покачала головой.

– Тогда вам позвонят из больницы, чтобы выяснить анкетные данные, страховку, ну, и всё остальное.

Сэнди кивнула.

– Всё будет хорошо. Вы не расстраивайтесь, – сказал полицейский и вышел, осторожно прикрыв за собою дверь.

Машины отъехали от дома, и наступила резкая тишина.

Вдруг громко включился холодильник, и Сэнди вздрогнула от неожиданности. Это вернуло ей чувство голода. Она открыла холодильник и засунула что-то в рот. Сэнди жевала и вспоминала мать, которая всегда была так далека от неё, что ей казалось, будто отсутствие матери длилось всю жизнь.

Сэнди заглянула в комнату матери – на кровати лежала одежда отца. «По этому адресу ничего хорошего не может случиться, – подумала она. – Сюда приходит только безразличие и равнодушие мира».

Она стала ходить по маленькой гостиной, так как не могла сидеть от волнения. Машинально, как это она всегда делала, Сэнди подошла к почтовой щели и проверила, не застряло ли там чего. Её пальцы ощутили бумагу. Сэнди схватила её и вытащила конверт. Он был адресован ей, но почерк был незнакомый и обратного адреса не было. Она судорожно вскрыла конверт. Но в конверте ничего не оказалось, он был пустым.

Попытка разлуки

Э. С.

Первое, что почувствовал Кен, сходя с трапа самолёта в бомбейском аэропорту, – это запах дерьма. Взлётное поле было обнесено колючей проволокой, вплотную к которой подступали лачуги, а вернее, развалины лачуг, слепленные из ржавых листов железа, обломков дерева и невесть из чего ещё. Эти поселения кишели людьми, и для их запахов колючая проволока не являлась преградой.

Индийские таможенники и чиновники эмиграционной службы стояли надменные, как магараджи, снисходительно взирая на толпу пассажиров. Кен затосковал по вежливым улыбкам на лицах. Он вспомнил, как Натали не хотела больше ехать за границу после того, как побывала за океаном.

Все люди – чужие, а там они ещё и чуждые, – объяснила она ему.

Чиновник с грозным, но тусклым лицом долго изучал паспорт Кена. Наконец он решился – ляпнул печать и поставил в ней загогулину. Не глядя на Кена, он протянул ему паспорт и качнул отрицательно головой.

– В чём дело? – спросил Кен.

Чиновник поднял на него свои пустые глаза, опять отрицательно покачал головой и нехотя произнёс:

– Идите на таможенный досмотр.

Впоследствии Кен узнал, что в знак согласия в Индии не кивают, а покачивают головой из стороны в сторону.

Таможенник сладострастно копался в огромном чемодане молодой индианки. Следующим был Кен. Вокруг бегали и кричали обильные дети индийских пассажиров, мешавшие Кену спать в самолёте. Родители время от времени делали заведомо безуспешные попытки приструнить их. Индианка старалась запихнуть свои яркие тряпки в чемодан, а Кен засмотрелся на смуглую талию, которую сари оставляло открытой. Таможенник окликнул Кена и попросил раскрыть чемодан. Кен очнулся и щёлкнул замками. Таможенник погрузил руки в нутро чемодана и остался удовлетворённым. Он отметил документ и качнул головой. На этот раз Кен решил не задавать лишних вопросов и направился к выходу.

Автоматические двери нехотя расползлись, и Кен отшатнулся – шумящая черноволосая толпа индийцев жаждала всосать в себя всё выпускаемое аэропортом. Толпа состояла из говорливых людей, которые высматривали своих знакомых среди выходящих, а также из очень или не очень грязных подростков и взрослых: одни были шофёрами такси, а другие – носильщи-

ками, профессионалами или любителями. И те и другие хватали пассажиров за руки, привлекая к себе внимание в ажиотаже конкуренции, пытались завладеть чемоданами.

Кен сам донёс чемодан до длинной вереницы такси. Шофёры призывно махали ему руками, а он старался выбрать среди машин ту, которая бы не развалилась по дороге – все они были «фиаты» одной и той же древней модели.

Наконец он сделал выбор, но не по машине, а по шофёру, лицо которого показалось Кену симпатичным.

Узкие улицы были настолько грязны и многолюдны, что казалось, по ним невозможно ехать.

Но навстречу неслись такие же развалюхи-«фиаты», беспрерывно сигналижая неповоротливой толпе. Многие машины ехали по стороне встречного движения, и, когда лобовое столкновение было почти неминуемо, они лихо отворачивали и чудом разъезжались. Прodelывая такие трюки, шофёр Кена сидел без всякого напряжения и лишь усердно жал на гудок. Кен решил внести предложение изготавливать сигналы в индийских машинах постоянно включёнными, чтобы, лишь изредка нажимая их, можно было бы прекращать гудение. Он усмехнулся этой мысли, но на душе у него было невесело.

После третьего расставания с Натали, которое, как он окончательно для себя решил, должно было быть последним, Кен принял предложение одной крупной компании и стал менеджером по торговле с азиатскими странами. Работа эта была связана с частыми командировками, и это больше всего привлекало Кена возможностью быть подальше от Натали, чтобы опять не поддаться соблазну её преданной любви. Впрочем, преданной её любовь можно было бы назвать с оговоркой – помимо Кена она любила наркотики. Эту любовь Натали по возможности скрывала от Кена, но он об этом знал, ревновал и даже использовал это как предлог для окончательного разрыва. Вот уже год, как они не виделись, и это был самый тяжёлый год для Кена – он всё ждал, что со дня на день он перевалит через пик и станет легче. Но легче не становилось.

Гостиница оказалась вполне приличной по сравнению с улицей. Дверь такси заискивающе открыл длинный индеец в высокой чалме с павлиньими перьями. Бой подхватил чемодан, и вскоре Кен осматривал большую, но неудобную комнату с гудящим кондиционером. По сравнению с жаром улицы в комнате стоял мороз. Кен покрутил регулятор температуры, но быстро обнаружил, что он не работает. Оставалось только выключить кондиционер. Однако через полчаса стало невыносимо душно. Кен распахнул окно, и в комнату ворвался шум людей и машин. Пришлось закрыть окно и снова включить усердный кондиционер. Кен позвонил администратору, и тот обещал немедленно прислать техника.

День приезда предназначался для отдыха от смещения времени, и первая деловая встреча была назначена на завтра. Кен принял душ, задернул шторами назойливое солнце и лёг в кровать. Ему снилась Натали. С тех пор, как они расстались, она постоянно присутствовала в его сновидениях. Раньше ему сны снились редко, и, когда Натали, постоянно видевшая сны и придававшая им большое значение, рассказывала их Кену, он подтрунивал над ней. «Важно не то, что тебе снится, а какие ощущения ты при этом испытываешь», – серьёзно объясняла Натали. Тогда Кен приписывал курению её нескончаемые сновидения, но теперь он будто бы перенял от неё эту способность еженощно видеть сны. Станным было не то, что он видел сны, а то, что он помнил их в течение дня, а часто и по нескольку дней. На этот раз ему снился их первый разрыв. Натали стояла у окна полураздетая, только линия раздела проходила не горизонтально по талии, а вертикально, оставляя открытой одну грудь и одно бедро, как у Ричарда Линднера¹¹. Кен ещё успел удивиться, как же одежда держится на одной вертикальной поло-

¹¹ Ричард Линднер – немецкий художник, с 1941 г. работавший в США. Его изображения женщин впечатляют резкой оригинальностью.

вине и не сваливается. Кен произнёс давно задуманную фразу, что им пора расстаться, так как их отношения исчерпали себя. «Исчерпали себя», – несколько раз повторило эхо, и Кену стало неловко от бессмысленности этой фразы. Тогда, в прошлом, произнесённая твёрдым голосом, эта фраза казалась ему очень точной и значительной. «Почему?» – с ужасом в глазах спросила Натали, и по её лицу потекли слёзы. Она не всхлипывала, и черты её лица не исказились в плаче – то же застывшее выражение ужаса и обильные слёзы, которые она не пыталась вытереть. И тут Кену стало сниться, что и он заплакал от душераздирающей жалости. Но он твёрдо помнил во сне, что наяву у него не было слёз и что он тогда сам удивлялся окостенелости своей души. Но теперь, во сне, он чувствовал такую радость облегчения от слёз, что он бросился к Натали, встал на колени перед её лоном и уткнулся в него мокрым носом. Он проснулся от урчания, которое он услышал в её животе, но оказалось, что кто-то стучит в дверь.

Это был техник, пришедший чинить кондиционер. Кен посмотрел на часы и увидел, что проспал два часа.

В номере по-прежнему стоял холод. «Высокоскоростной сервис», – зло ухмыльнулся Кен и лёг в кровать, наблюдая, как техник ковыряется в регуляторе. Кен уснул опять, а когда проснулся, техник уже ушёл, но было по-прежнему холодно. Он позвонил в ресторан и заказал лёгкую закуску. Официант откликнулся гораздо быстрее – в комнате прямо запахло едой.

– Послушай-ка, – сказал Кен, – ты можешь достать мне девочку?

– Кого? – переспросил официант.

– Женщину, – пояснил Кен.

– О сэр, это очень тяжело, – заулыбавшись, вступил в торговлю служитель отеля.

– Я тебе хорошо заплачу, – пообещал Кен.

– Семьсот рупий, – хватил официант.

– О'кей, только она должна быть красивой и стройной.

– Да, она киноактриса, очень красивая, – заверял он, видно кляня себя, что так мало запросил.

– И это на ночь.

– Да, да, сэр.

– И в семьсот рупий входят твои чаевые, – сказал Кен твёрдым голосом, как о деле решённом.

– О'кей, – согласился официант и попросил в задаток половину.

– Нет, получишь всё через неё, когда она придёт.

– Хорошо, – легко согласился официант.

Договорились, что она должна появиться в течение часа.

Единственным эффективным средством против мыслей от Натали были другие женщины. Но все они, как болеутоляющее, действовали лишь временно.

«Киноактриса, – усмехнулся Кен, – небось снялась раз в любительском порнофильме. Но цены явно доступные. Что ж, здесь гораздо легче быть, что называется, финансово независимым». Кен называл независимостью наличие таких денег, которые позволяют покупать желаемых женщин, но и не наносить этим ущерб своему бюджету.

Кен стоял у окна и смотрел вниз на подъезжающие к отелю такси. Но одинокие женщины из них не выходили. Кен пытался представить, как снимается сари – нужно ухватиться за край, перекинутый через плечо, и потянуть, и женщина начнёт вращаться вокруг своей оси, размазываясь, словно кокон.

Проезжая утром среди толпы, Кен видел огромное количество статных, красивых индианок с голыми пупками, глазающими на прохожих. Многие женщины несли на головах различные грузы: кувшины, узлы, а на стройках даже корзины с камнями. И казалось, чем тяжелее груз, тем изящнее он делает несущую его. «Если их помыть, – прикидывал Кен, – прилично

одеть и наложить чуть косметики, то каждая из них сошла бы за кинозвезду. Так что официант, быть может, и не солгал».

Час уже давно прошёл, и Кен заметил, что думает о том, что делает сейчас Натали. Эта мысль всегда приходила ему в голову, когда он ждал чего-то, а теперь, на другом конце Земли, вопрос этот казался возмутительно неразрешимым. Фантазия услужливо представила ему Натали, сцепившуюся с мужчиной, и он потянулся за телефонной книгой.

В телефонной книге не оказалось ни массажных заведений, ни эскорта. Отсутствие саун не удивило Кена, принимая во внимание местные климатические условия. Но отсутствие прочих услуг было дурным знаком государственного невежества. Оставались таксисты – люди, наиболее осведомленные о достопримечательностях своего города.

Раздражённый своей первой деловой неудачей в Индии, Кен спустился в холл. Швейцар распахнул перед ним дверь в тёмную улицу. На почтительном расстоянии от входа толпился люд, в основном состоящий из поджидающих шофёров такси. Обыкновенные странники жизни не допускались в оазис гостиницы. Кен отказался от предложения швейцара подать такси и пошёл по улице вдоль стены отеля. Улица вползала на холм, и по ней ехали велорикши, привставая на педалях и виляя задами. Сбоку, на той части улицы, которую едва ли можно было назвать тротуаром, сидели и лежали люди. Улица была их домом. Кен почувствовал, как кто-то сзади дотронулся до его руки. Он оглянулся. Это была красивая девчонка лет пятнадцати с грязным, но упитанным малышом на руках. Она произнесла что-то на своём языке и мимически продублировала, поднеся сложенные щепотью пальцы ко рту. Кен дал ей монету, и девчонка с младенцем пропали в темноте улицы. «Переход греховности зачатия в святость материнства. Переход этот полнится беременностью, которая поначалу, невидимая для посторонних, оправдывает грех только для забеременевшей, а потом, становясь очевидной, вызывает оправдание и в глазах окружающих, ибо она – доказательство подступающего материнства. Что же касается незаконнорожденных... Теперь общество побезразличело к внебрачным детям и не пытается отнимать радость материнства, как бывало». И тут Кен подумал о Натали, которая сделала от него три аборта. Совесть Кена всегда давала о себе знать при этой мысли, и он в какой уж раз старался уговорить себя, что он практически не виноват. Натали не желала принимать таблетки, так как была убеждена, что они очень вредят здоровью. Механические средства она отвергала, так как считала их либо опасными, либо уничтожающими значительную часть ощущений, которыми она не хотела жертвовать, несмотря на то, что Кен великодушно соглашался жертвовать своими. Она считала дни, и ей это казалось надёжным. Первый раз Натали забеременела, потому что она ощутила с Кеном такое яркое наслаждение, что решила отдаться на волю судьбы. Кен, не ведая об этом решении, несколько раз осведомлялся, не хочет ли она, чтобы он предохранялся, но она просила его не волноваться об этом. Кен решил, что она знает, что делает. Но вскоре Натали поведала ему, что у неё задержка, и, когда она призналась, что никак не предохранялась, Кен спросил:

– Почему?

– Потому, что я люблю, – сказала она, не глядя на него.

Это был первый раз, когда она ему сказала это слово. Кен подумал, что она хочет его разжалобить этим и получить согласие на ребёнка. Но Натали читала его мысли. Посмотрев Кену в глаза, она сказала:

– Я знаю, что ты не хочешь от меня ребёнка, не волнуйся – я сделаю аборт.

Кену стало неловко от её прозорливости, и он лишь сказал, что возьмёт все расходы на себя.

– Хорошо, – согласилась она. – Деньги – это по твоей специальности.

С тех пор она стала считать дни и продержалась полгода, пока не сбилась со счёта. В третий раз они были настолько пьяны, что были неспособны к каким-либо вычислениям. Они вдвоём встречали Новый год в доме Кена, настроение у обоих было тусклое в точном пред-

чувствии близкой разлуки, и они выпили бутылку шампанского, бутылку коньяка, а потом ещё чего-то. За первые два раза Кен признавал свою вину наполовину. Но что-то у него внутри не принимало этой логики. Когда он вспоминал её провалившееся лицо, с которым она вышла от гинеколога, Кену становилось не по себе. Он и сейчас чётко слышал её стон от боли – анестезия почему-то не подействовала, и возникли эти страшные звуки. Кен сидел в приёмной и клялся себе, что теперь-то уж он обязательно расстанется с Натали – это единственное, что он может сделать, чтоб не быть причиной её боли впредь. И жутко было ему, слыша Натали, замечать, что боль вызывает стон, так похожий на стон наслаждения.

Кен высматривал таксиста поприличнее, но все они были чрезвычайно похожи друг на друга – чёрные жирные волосы, смуглые лица мелких мошенников и грязная одежда. «Один чёрт», – подумал Кен и подошёл к тому, что стоял поближе. Тот жевал какую-то жвачку, и зубы у него были покрыты чёрным налётом.

– Куда ехать, сэр? – подался к нему таксист.

– Ты можешь достать мне красивую девочку? – поинтересовался Кен.

Шофёр заулыбался и, с трудом подбирая английские слова, сказал, что для этого нужно куда-то ехать, где много женщин, там Кен выберет ту, что понравится, и её можно будет привезти обратно в отель.

– Сколько времени туда ехать? – спросил Кен.

– Двадцать минут, – пообещал таксист.

«Значит, все сорок», – прикинул Кен.

– Послушай-ка, я не хочу никуда ехать, ты привези девушку сюда.

Тут Кен заметил, что другие таксисты обступают их и обмениваются мнениями на своём тарабарском наречии. Шофёр стал что-то обсуждать со своими коллегами. Кену начинала надоедать вся эта кутерьма.

– Так что, можешь привезти сюда девушку или нет? – прервал их Кен.

Таксист повернулся к Кену, как раз закончив совещаться.

– О'кей, четыреста рупий.

– На сколько времени?

– На всю ночь, – заулыбался таксист.

«Работают только по полной программе», – подумал Кен и сказал вслух своё заклинание:

– Только она должна быть стройной и красивой.

– Да, сэр, очень красивая, – заверил таксист.

Договорились, что через полчаса он позвонит Кену в номер, чтобы Кен вышел и принял товар, так как одинокие индийские женщины не допускаются в отель.

Кен вернулся в номер и не раздеваясь лёг в постель. Надежду он запрятал поглубже, зная, что всю свою силу она израсходует на саму себя, чтобы оставаться прекрасной. Он не заметил, как заснул, и обнаружил это, услышав резкий телефонный звонок. Таксист оповещал, что он ждёт внизу. Кен, полусонный, спустился в холл, но там никого, кроме служителей отеля, не было. Он вышел на улицу и увидел таксиста, манящего его рукой. Женщиной и не пахло. Таксист двинулся к своей машине, стоявшей рядом, продолжая делать зазывные жесты. Кен подошёл и увидел девушку, сидящую в машине. В темноте трудно было разглядеть её, но одно было ясно, что она не красавица.

– О'кей? – с надеждой спросил таксист.

– О'кей, о'кей, – сказал Кен устало и подумал, что доступность в какой-то мере восполняет недостаток красоты.

Таксист что-то резко сказал девушке, и она резво вылезла из машины. Она была одета в белое сари, полноватая, с гроздью белых цветков, воткнутой в конечно же чёрные волосы, собранные на затылке в узел.

Кен взял её под руку, но это выглядело неуклюже, и он, обняв её за талию, подтолкнул ко входу в отель. На свету Кен увидел, что она держит свои губы в улыбке. Ад министр атор окинул девушку всезнающим взглядом и окликнул Кена. Кен подошёл к нему и узнал, что по правилам он должен заплатить сто рупий за привод гостыи. Кен не стал спорить и расписался в ведомости в знак согласия. Девушка ждала его у лифта, не поднимая глаз от пола. Оказавшись с ней в лифте, Кен наконец взглянул на неё в упор. Запах цветка в её волосах напоминал запах жасмина. Она по-прежнему услужливо улыбалась. «Зубы белые и ровные», – удовлетворённо отметил Кен. Он спросил её имя – она пожала плечами и произнесла что-то нечленораздельное. Кен понял, что она не знает ни слова по-английски. Тогда он ткнул себя пальцем в грудь и сказал: «Кен». Её тёмные глаза просветлели пониманием, и она ткнула себя в большую грудь и произнесла своё имя, которое Кен тотчас забыл. «Да и зачем мне оно?» – подумал Кен. Лифт остановился, и Кену показалось, что двери не открывались целую вечность. Наконец они разъехались, и Кен, взяв девушку за руку, заспешил к своему номеру. Закрыв дверь на замок, он не медля стал раздеваться и через несколько секунд стоял голый перед всё улыбающейся девушкой. Ей было лет семнадцать. Кен требовательно потянул за край сари, и девушка стала его распелёнывать. Под ним оказался несвежий лифчик.

Груды были крупные, но некрасивые. Трусиков на ней не было, и лобок её был почти что лысым. Нет, он не был выбрит. Видно, не хватало мужских гормонов. Кен вспомнил лобок у Натали, который представлял из себя наиправильнейший треугольник, состоящий из густых тёмных волос – прямо как в учебнике по анатомии. Кен хотел было сполоснуть девушку в ванне, но потом нетерпение взяло своё, и он подтолкнул её к кровати. Однако нетерпение не лишило его предосторожности – уж очень непрофессионально грязной выглядела девушка. Кену показалось, что её кожа не только тёмная, но и нечистая. Поэтому он решил развернуться к её наиболее безопасному месту и, чтоб вывести её из нерешительности, подал ей пример. Через минуту она размякла и ответила Кену взаимностью. Кен был разочарован полным отсутствием у неё запаха. Сильный и полный достоинства запах Натали служил ему образцом, которого не могла достичь ни одна из его последующих женщин. Эта же избирательно следила за чистотой своего тела, уделяя всё внимание «рабочей» его части и небрежно относясь ко всему остальному, и всё тех же гормонов не хватало, чтобы поддерживать запах на ощутимом уровне даже при идеальной чистоте. В мыслях об этом Кен радостно высвободил свою жизнеутверждающую жидкость. Индианка отпрянула, села на кровати и стала отплёвываться с таким остервенением, будто это был яд кобры. «Такое пренебрежение основами любви недопустимо, когда тебе за неё платят», – возмутился Кен и, поднявшись с кровати, швырнул индианке лифчик, показывая, чтобы она убиралась. Девушка виновато улыбнулась, и Кену стало жаль её. Он протянул ей денежную бумажку местного производства. Она уже нацепила лифчик и, сложив бумажку, записала её меж грудей. Ещё не вполне понимая сложившуюся ситуацию, она была явно удивлена скорым окончанием дела. Она вопросительно посмотрела на Кена и, сложив ладони вместе, поместила их под ухо и склонила набок голову, показывая, что она не прочь предаться сну. «Наглая баба, – разозлился Кен, – вместо бардака норовит устроить ночлежку». Нет, она его явно не вдохновляла.

Спускаясь с ней в лифте, Кен решил не платить полной суммы. Когда они вышли на улицу, Кен стал оглядываться, пытаясь найти таксиста-сводника. Но девушка лучше разбиралась в ночной улице и сразу отыскала машину, перекочевавшую в сторону от места высадки. Таксист спал на заднем сиденье и, когда Кен открыл дверцу, сразу вскочил, готовый отправиться в путь. Девушка стала что-то говорить ему, а Кен протянул ему двести рупий и сказал: «Она плохо себя вела, и я был с ней только полчаса, поэтому я тебе плачу половину». Таксист деньги взял, но стал требовать всю сумму. Кен решил не вступать в дискуссию, повернулся и пошёл обратно в гостиницу. Таксист засеменил за ним, продолжая требовать, но не посмел приблизиться к дверям гостиницы и отстал. Кен вернулся в номер, принял душ и быстро заснул.

Ему снилась Натали, которая многократно проезжала мимо по кругу на такси. Она махала ему рукой, а он всё ждал, когда же она остановится. Наконец это ему надоело, и он решил остановить кружащееся такси. Он почему-то был уверен, что, если он перегородит ему дорогу, машина обязательно остановится. Но когда он выбежал наперерез и расставил руки, к его изумлению и страху, такси не остановилось, а, набирая скорость, ринулось на него, громко гудя. Он проснулся от телефонного звонка – по его просьбе его будила телефонистка отеля. На полчаса позже назначенного времени.

Утром за Кеном заехал сотрудник индийского представительства его компании. Это был невысокого роста толстоватый парень с галстуком, который ни в коем случае не подходил ни к костюму, ни к рубашке. Парня звали Рамачандра, и он был очень доволен собой. Он подобострастно улыбался и часто облизывал губы. Рамачандра должен был отвезти Кена на совещание, на котором ожидалось подписание договора на поставку оборудования, изготавливаемого на фирме Кена. Когда они сели в такси и отъехали от гостиницы, дорогу преградил какой-то человек. Таксист затормозил, и машину окружили галдящие индийцы. Среди них Кен узнал вчерашнего сводника, который суетился рядом с дверью Кена и, размахивая грязными руками, что-то выкрикивал. Рамачандра возмущённо приказывал шофёру ехать, не понимая, что происходит, а тот, с испугом оглядываясь на бушующих коллег, беспомощно разводил руками и что-то объяснял, указывая на Кена. Рамачандра с удивлением повернулся к Кену и перевёл требование толпы – двести рупий. Зубы у скалящихся в окно кредиторов были покрыты чёрным налётом. Кен обратил внимание, что все они жуют какую-то жвачку. Вот почему вечно жующая корова – их священное животное.

– Вы должны им деньги? – спросил Рамачандра.

Кен подумал об удобстве автоматического огнестрельного оружия и, не отвечая, вытащил две бумажки и дал их Рамачандре. Тот сунул их в чью-то руку, протянувшуюся в окно. Толпа в удовлетворении отхлынула, и дорога освободилась. Кену не удалось сдержать вздох облегчения. Рамачандра тактично начал разговор о бизнесе, будто ничего не произошло. Кен старался сосредоточиться на предстоящих переговорах и просматривал папку с документами, чтобы освежить в памяти все детали переписки, шедшей на протяжении двух лет.

На каждом перекрёстке, где машина останавливалась из-за скопления движения, к ним подходили, ковыляли, подползали нищие с протянутой рукой. Помимо замызганных мадонн с младенцами и просто шкодливых ребятишек, которые стали раздражать Кена своими иждивенческими настроениями, среди попрошайек было много калек с экзотическими уродствами. Если у одного не было ног, то культы имели жуткие отростки. Если у другого была сухая рука, то кости были выгнуты против всяких законов анатомии. Увидев у окна калеку, Кен давал ему монету – уж слишком это тяжёлое испытание для души: жить в ущербном теле.

Светофоры в основном не работали, а если и работали, то на красный свет никто не обращал внимания. Кое-как разгребал движение регулировщик-полицейский, который дул в свисток, как в трубу. Машины ехали в наиболее удобном направлении, поворачивая и разворачиваясь где придётся. В самый последний момент они тормозили, чтобы объехать корову или пешехода. У Кена создавалось впечатление, что водительские права в Индии выдаются не тем, кто сдал экзамен на вождение, а тем, кто провалил его.

Наконец они подъехали в обшарпанному зданию, где должно было проходить совещание. У входа слонялись охранники в смотрящейся по-военному униформе, вялые в движениях, но с выражением значительности на лицах. Рамачандра и Кен вошли в комнату начальника охраны, где гулял ветерок от вентилятора в потолке. На грозящем развалиться столе лежали кипы бумаг с облохматившимися от старости краями. Чтобы их не развеяло ветром, на каждую стопку были положены грузы в виде стеклянных разноцветных шаров.

Один из охранников, изучая визитные карточки Кена и Рамачандры, минут пять пытался дозвониться куда-то, чтобы выяснить, заказан ли пропуск. Телефон плохо работал, и охранник кричал в трубку, повышая интонации в конце каждой фразы.

Покричав пять минут, он получил подтверждение и старательно вписал имена посетителей в две бумажки, которые служили пропуском. Когда Кен и Рамачандра протянули пропуск стражу у ворот, тот даже не посмотрел в него, а лишь махнул рукой – проходите, мол, чего уж там. В приёмной было много народу. На стене висел плакат на хинди, который Рамачандра стыдливо перевёл после настоятельной просьбы Кена: «Спать воспрещается!» Кен еле сдержался, чтобы не расхохотаться. И действительно, из-за долгого ожидания и жары посетители в приёмной легко впадали в сон. Босой старик, исполнявший роль Вергилия в этом чиновничьем аду, повёл их по коридору мимо больших комнат, заставленных столами, на которых лежали всё те же рыхлые кипы бумаг. Старик раскрыл перед ними тяжёлую дверь, и они оказались в большом кабинете, где работал кондиционер.

Ощущение прохлады было первым приятным ощущением Кена. Из-за необъятного письменного стола встал человек в чалме и протянул руку ему, а потом Рамачандре. Человека звали Сингх, и он был директором этого учреждения. После недолгого вступительного разговора выяснилось, что он защитил диссертацию в Америке, и это явно чувствовалось в его манерах и движениях. Через несколько минут пришли три его заместителя, в Америке явно не бывавшие, и директор, извинившись, что ему необходимо присутствовать на срочном совещании, ушёл, оставив своих заместителей торговаться.

Кен знал, что они отклонили предложения конкурентов по техническим соображениям, и теперь всё сводилось к цене покупаемого оборудования. Между тем Рамачандра напомнил о технических преимуществах их машин, так что, когда заместители стали жаловаться на высокую цену, Кен тут же обосновывал её, акцентируя то или иное преимущество. Заказчики стали просить скидки то под одним предлогом, то под другим. Кен вспомнил попрошайек, которые протягивали свои грязные ладони в окошко такси, и почувствовал в себе отчётливое нежелание идти на какие-либо уступки.

Один из трёх был явно выше по положению, и он в основном вёл разговор, повелительно бросая указания двум остальным, которые записывали ход совещания для протокола. Когда они предприняли основной нажим, чтобы получить скидку, вдруг отключился кондиционер и проступила тишина. Ведущий переговоры заместитель смущённо объяснил, что отключилось электричество и что это происходит иногда до четырёх раз в день из-за маломощности электростанции. И тут Кену вспомнились не просто нищие, а калеки, при взгляде на которых у него переворачивалось сердце, и Кен решил чуть уступить и предложил в дополнение к продаваемому оборудованию техническое обслуживание. Эти услуги, как правило, предоставлялись всем заказчикам за небольшую плату, но специально не оговаривались в контракте, чтобы воспользоваться этим как резервом в переговорах и, если потребуется, предложить их бесплатно. Предложение Кена решило дело. Все оказались довольны.

Был сделан перерыв на ленч, и Кена с Рамачандрой отвели в столовую для начальства. Скудность рациона старательно заменялась обилием специй. В потолке кружилось несколько вентиляторов, которые не только создавали прохладу, но и отгоняли толпы мух. Все блюда были вегетарианскими, а Кен хотел мяса.

После ленча был отпечатан протокол совещания и подготовлен контракт для подписи. Пришёл директор в чалме, и его первый заместитель подобострастно подал ему бумаги. Директор бегло просматривал контракт и небрежно задавал вопросы своим подчинённым, а те бросались к нему с объяснениями, привставая со своих мест. Наконец Кен и директор подписали контракт и обменялись рукопожатиями. Кен был очень доволен – после заключения этого контракта его престиж в компании очень укреплялся, да и деньги, которые теперь ему причитались, тоже были немалые.

Сидя в баре гостиницы, он уже более холодно думал о своём сегодняшнем успехе. Ощущение пустоты в сердце становилось более важным, как это часто бывало по вечерам.

«Если бы напротив сидела Натали и держала меня за руку», – подумал Кен. Где бы они ни бывали – шли по улице, ехали в машине или были в гостях, – Натали всегда держала его за руку, стараясь подтвердить прикосновением неисчезающую близость. Кен так привык к этому теплу, что и с другими женщинами он в счастливой привычке пытался поддерживать близость постоянными прикосновениями. Но и женщины, и он быстро начинали тяготиться этим непреходящим напоминанием своего присутствия и с облегчением отстранялись друг от друга.

С Натали он никогда не испытывал абсолютного пресыщения. У него всегда оставалось желание прикоснуться к ней. Кен вспомнил свой ответ на вопрос Натали. Ответ этот теперь казался ему поразительно глупым, но тогда почему-то представлялся естественным и самоочевидным. Натали открыла дверь, и лицо её было светло. Помимо запаха еды – она пригласила Кена на обед – он сразу почувствовал запах зелья, которое она курила. Она жадно поцеловала его и сказала: «Я еле дождалась, пока ты придёшь». В начале их близости Натали бывала шокирована, когда Кен начинал раздевать её, чуть ступив на порог. Но вскоре и она уже не могла себе представить, как это можно иначе. Они научились одновременно замыкать круг любви. Натали объяснила ему:

– Я так люблю тебя, что, когда я чувствую твой выплеск, моё тело сразу же начинает сигнализировать тебе в ответ: «Да, да, и я счастлива с тобой».

Когда они сидели голые за столом и заканчивали обед, Натали спросила:

– Скажи, что для тебя важнее всего в жизни?

– Успех в моей работе, – не задумываясь ответил Кен.

– Почему? – удивлённо и разочарованно протянула Натали.

Кен пожал плечами, не зная, как это объяснить.

– Что же самое важное для тебя? – спросил Кен.

– Любить, – тихо и убеждённо произнесла Натали и добавила: – Ещё никто мне не сказал, что любовь для него – самое важное.

Кена тотчас кольнула ревность и заработала фантазия, рисуя аналогичную ситуацию, при которой Натали задаёт этот вопрос очередному мужчине. Натали сразу почувствовала это, встала из-за стола, подошла к Кену и обняла его.

– Но ты единственный, кто своим ответом причинил мне боль.

Кен потянулся к ней, и её маленькие груди, как два зверька, доверчиво тыкались носами ему в лицо.

Размышляя о своей ревности к Натали, Кен подумал, что ревность является критерием любви потому, что её испытываешь только к той, к которой «прижился». Причина ревности – страх смерти. Страх, что, по большому счёту, женщине безразлично, существуешь ты или нет, так как наслаждение можно получить и с другим, забыв о тебе, будто ты умер. Но ведь ты прижился (как на Земле) и хочешь жить в памяти возлюбленной вечно (жить на Земле вечно), вернее, чтобы тебя любили вечно, тем самым даруя тебе вечную жизнь. Ревность к женщине как ревность к жизни, которая может продолжаться без тебя.

Кен заказал ещё один коктейль и подумал, с какой бы готовностью он теперь променял свой относительный успех в бизнесе на безотносительное ощущение чуда, когда он обнимал Натали.

Он оглянулся – бар был немногочислен, и одиноких женщин не было вообще. «Проклятье!» – вслух произнёс Кен.

– Да, сэр, – подошёл расторопный официант.

– Счёт, – сказал Кен.

В эту ночь ему снился долгий разговор с Натали. Она стояла к нему спиной, и две ямочки над ягодицами смотрели на него, как два глаза.

– Зачем ты куришь эту дрянь? – спрашивал Кен, и Натали, не оборачиваясь, отвечала ему:

– Потому что это расковывает меня и я могу тебе сказать, что люблю тебя. А без моего, как ты говоришь, зелья я буду молчать.

– Почему? – удивился Кен.

– Потому, что ты не любишь меня так, как я люблю тебя.

Тут Натали обернулась, и он увидел трубку у неё во рту. Он бросился к ней, чтобы вырвать трубку, и раскрыл рот, чтобы закричать: «Неправда! Я люблю тебя больше всего на свете!» Но звуки не выходили наружу.

Ещё три дня прошло в совещаниях, встречах и переговорах. К вечеру Кен бывал так измотан, что с трудом досиживал на деловых обедах с заказчиками и, придя в номер, сваливался как убитый.

Перед отлётом Кена в Токио Рамачандра спросил, как бы он хотел провести последний вечер.

– Есть здесь где-нибудь место, где бы я мог познакомиться с индийской девушкой? – взялся за своё Кен.

– Я знаю, что многие ходят в диско, – неуверенно сказал Рамачандра.

– А какое диско считается лучшим?

– Я не знаю, я в них никогда не был.

– Почему? – полюбопытствовал Кен.

– Это для меня очень дорого, да и женат я... уже около трёх лет.

– А это правда, что в Индии до сих пор родители устраивают браки детей? Вас познакомили родители?

– Да, как правило. Но мы познакомились сами, и мои родители были против нашего брака. А когда они поняли, что мы всё равно поженимся, они попросили меня пойти с ними к астрологу.

– Ну, и что он предсказал?

– Что наш брак будет счастливым, но что ребёнок у нас будет только через два года после женитьбы.

– И он был прав?

– Да, мои родители согласились, и у нас всё хорошо.

– А ребёнок?

– Моя жена забеременела ровно через два года, – сказал Рамачандра таким спокойным тоном, будто точность такого рода предсказаний является чем-то само собой разумеющимся.

Кен никогда не относился серьёзно к предсказаниям, гаданиям, считая, что всё это спекуляция на теории вероятности.

Натали, напротив, постоянно читала книги по астрологии, чёрной магии, телепатии, а когда Кен, подшучивая над ней, просил её продемонстрировать знания на практике, Натали отказывалась, говоря, что гадалки становятся несчастными и потому она предпочитает не рисковать. «Хорошо, тогда не надо», – с шутливым великодушием соглашался Кен. «Ты напрасно смеёшься», – озабоченно говорила Натали, будто Кен совершил кощунство. Кен обнимал её, как ребёнка, от которого нельзя требовать здравомыслия, и Натали, так легко отгадывавшая его мысли, однажды сказала: «Ты думаешь, что у меня нет здравого смысла? Но помнишь, что сказал твой любимый Гегель: “Здравый смысл – это предрассудок своего времени”». Способность Натали узнавать, о чём думает Кен, настораживала его, так как угрожала независимости, которой он так дорожил. Но в то же время он с радостью принимал объяснения Натали: она утверждала, что может узнавать его мысли только потому, что любит его.

– Я знаю, что я хочу делать сегодня вечером, – сказал Кен Рамачандре, – пойдём к твоему предсказателю.

Рамачандра удивлённо уставился на Кена.

– Да, да, – подтвердил Кен. – Ты сможешь позвонить ему и договориться, что мы придём?

– У него нет телефона, но он, наверное, будет вечером дома. А зачем это вам?

– Любопытно. И это, пожалуй, интереснее, чем диско.

Астролога звали Шарма, и жил он один в одноэтажном каменном домике. Мебель в комнатах отсутствовала. Астрологу было за шестьдесят. Белая длинная рубаша оставляла открытыми лишь его босые ступни. В углах комнаты, куда он провёл Рамачандру и Кена, лежали стопкой толстые книги. В нескольких местах курились какие-то травы, воздух в комнате был пряным, как бывало у Натали. Астролог не говорил по-английски, и Рамачандра был за переводчика. Где-то неподалеку проходила железная дорога – Кен услышал сопение поезда, а потом гудок, который всегда вызывал в нём смутную тревогу. Казалось, что гудок говорит ему: «Ну, пора!», но куда «пора» – оставалось щемящей тайной.

Астролог не выказывал особого дружелюбия.

Он даже не улыбался, как всякий торговец улыбается покупателю. Он указал гостям на коврик и сам уселся в углу комнаты, вывернув ноги в одну из йоговских поз. Кен не пытался подражать и сел, вытянув ноги вперёд, а Рамачандра без труда уселся в ту же позу, что и астролог.

– Он говорит, что гороскоп будет стоить триста рупий, – перевёл Рамачандра.

«О'кей, это не место для торговли», – подумал Кен и отсчитал деньги. Астролог взял бумажки длинными красивыми пальцами, спрятал их где-то в своей рубаше и попросил Кена назвать дату, место и как можно точнее время своего рождения. Он достал лист бумаги, уже расчерченный на квадраты, нанёс карандашом точки, а потом стал соединять их линиями. Затем он потянулся за фолиантом, лежащим в стопке книг рядом с ним, раскрыл его, что-то усмотрел в нём и снова вернулся к листу с начерченными линиями. Прошло минут двадцать. Кен подмигнул Рамачандре, и тот вежливо полуулыбнулся, но весь его вид был полон благоговения перед действием, вершимым астрологом. Опять невдалеке прокричал поезд.

...За год разлуки Натали никак не давала о себе знать. Прежде, когда Кен не раз пытался положить конец их отношениям, она не позволяла разлуке свершиться. Один раз он уехал на месяц в командировку и решил использовать свой отъезд, чтобы избежать устных объяснений. Он написал ей короткое письмо, где говорил, что им пора расстаться. Через несколько дней он столкнулся с Натали в коридоре гостиницы – получив письмо, она сразу села на самолёт и прилетела к нему. Письмо было написано на фирменной бумаге отеля, и ей не стоило никакого труда найти Кена.

– Что это такое? – спросила она неверящим голосом, держа в руке письмо.

И он не знал ответа на этот вопрос. Он почувствовал, что у него нет ни сил, ни желания настаивать на разлуке. Натали осталась у него на несколько дней, и они были счастливы, стараясь не думать, что причиной этого счастья была попытка разлуки...

Астролог наконец заговорил, водя пальцем по линиям, начерченным на листе бумаги. Рамачандра внимательно слушал и переводил.

Поначалу было много общих мест, которые можно было с успехом отнести на счёт многих жизней, на вскоре началось то, что Кен счёл поразительным совпадением.

Астролог сказал, что Кен пытается отвлечься, вернее, планеты пытаются отвлечь его от большой любви, но, несмотря на это, самое сильное влияние оказывает планета, охраняющая эту любовь. Более того, до конца жизни это чувство будет преобладать над всеми. А дальше он сказал такое, от чего Рамачандра запнулся и долго переговаривался с астрологом, прежде чем перевести.

– Он спрашивает, хотите ли вы знать всё, что говорят звёзды, или, может быть, лучше не заглядывать в будущее?

– А за что же я деньги платил? – пытался пошутить Кен, предчувствуя недоброе, и решил, что нелепо прятаться от судьбы, если она соблаговолила выйти тебе навстречу. – Пусть договаривает.

– Он видит, что жизнь ваша скоро оборвётся, потому что вы пренебрегли этой любовью.

– Как это «скоро»? Завтра? Или через год? – спросил Кен, втягиваясь в эту игру и в то же время подсмеиваясь над собой за это.

Пока Рамачандра переводил вопрос и астролог отвечал, сердце Кена билось, как при взгляде на кружащийся шарик рулетки, но выигрыша тут не существовало, а была только возможность уменьшить проигрыш. Сердце каждым своим ударом вгоняло в тело всё больше и больше слабости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.